Волк за волка

Автор:
Райан Гродин

Волк за волка

Райан Гродин

Волк за волка #1

1956 год. Победу во второй мировой войне одержали страны «Оси» и миром управляют правительства Третьего Рейха и Императорской Японии. Ежегодно они устраивают соревнование: гонку на мотоциклах от Берлина до Токио. Победитель получает приглашение на бал, на котором неизменно присутствует Адольф Гитлер.

Именно возможность встретиться с фюрером и убить его интересует еврейку Яэль, бывшую узницу концлагеря, а ныне – участницу Сопротивления. Благодаря приобретенной в ходе фашистских экспериментов способности принимать облик любой девушки, Яэль выдает себя за Адель Вольф – победительницу прошлогодней гонки. И лишь на старте оказалось, что в гонке решил принять участие и брат-близнец Адель, Феликс Вольф, а одним из главных конкурентов стал Лука Лёве, с которым Адель в прошлом явно что-то связывало. Задача Яэль усложнилась: важно не только победить в гонке, но и сохранить свою тайну.

Райан Гродин

Волк за волка

Ryan Graudin

Wolf by Wolf

© 2015 by Ryan Graudin

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Дэвиду, за то, что всегда поддерживал меня и разделил со мной самые важные путешествия

Дрожат прогнившие кости мира

От страха пред красной войной

Из официальной песни Гитлерюгенд

Давным-давно, в альтернативной реальности, королевстве смерти жила-была девушка. Волки выли на ее руке. Все – из чернил для татуировок и боли, воспоминаний и потерь. Это было единственным, что оставалось в ней неизменным.

Ее история начинается в поезде.

Глава 1

Тогда. Числа. Осень 1944 года

В вагоны – широкие и глубокие, как для скота – набились пять тысяч душ. Поезд застонал и согнулся под их тяжестью, уставший от многочисленных поездок.

(Пять тысяч раз по пять тысяч. Снова и снова. Так много, так много).

Нет места, чтобы присесть, нет воздуха, чтобы дышать, нет еды, чтобы съесть. Яэль опиралась на мать и незнакомцев, пока не заболели колени (и еще болели долго после). Она задыхалась от запаха отходов и сделала несколько глотков обжигающе-холодной воды из ведра, которое протолкнули через дверь кричащие охранники. Где-то под рельсами медленный, дрожащий стон снова и снова шептал ее имя: Я-эль, Я-эль, Я-эль.

– Тебе больше не придется стоять. Мы почти на месте, – говорила мать Яэль, приглаживая волосы дочери.

Но «почти на месте» затягивалось. Один день превратился в два, три. Бесконечные часы покачивающихся километров и пластины солнечного света, которые как ножи прорезались сквозь сгнившие доски вагона и серые лица пассажиров. Яэль прижалась к шелковой юбке матери и пыталась не слушать плач. Рыдания были такими громкими, что ее имя почти тонуло в них. Но независимо от того, какой громкой была печаль, девочка по-прежнему могла слышать шепот. Я-эль, Я-эль, Я-эль. Постоянный, устойчивый, непрерывный. Скрытый для всех.

Три дня подряд.

Я-эль, я-эль, я – визг!

Поезд неожиданно встал.

Ничего.

И тогда двери открылись.

– Вылезайте! Быстро! – человек, лысый, тонкий, одетый в похожую на пижаму одежду – кричал и продолжал кричать. Даже после того, как люди начали вываливаться из вагона поезда. Он кричал и кричал так, что заставлял Яэль в страхе прижиматься к матери. – Быстрее! Поторапливайтесь!

Вокруг была лишь тьма и блики. Ночь и прожекторы. Холодный воздух заострил крики охранников, рычание собак и свист кнутов.

– Мужчины в одну сторону! Женщины – в другую!

Толчок, толчок, давка, толчок, крики. Было море шерсти и толкотня. Все казались потерянными. Двигались и толкались, и плакали, и не понимали. Пальцы Яэль сжали край пальто матери, так крепко, будто сами превратились в швы.

«ПОТОРАПЛИВАЙТЕСЬ БЫСТРЕЕ ДВИГАЙТЕСЬ» – Железный голос внутри Яэль дрался, и толкался, и кричал: – «НЕ РАСТЕКАЕМСЯ»

Они все двигались в одном направлении. Прочь от кнута и собачьих клыков. К человеку, который стоял на перевернутом ящике из-под яблок и высматривал что-то в темной, топчущейся на платформе толпе. Его заливал свет прожектора. Чистая белая ткань его лабораторного халата сверкала, а руки были широко раскинуты, как крылья.

Он был похож на ангела.

Он измерял и оценивал каждое проходящее лицо. Мужские и женские. Молодые и старые. Человек в сверкающем лабораторном халате перебирал, отсеивал и расставлял их в ряды.

«Слишком мал! Слишком болен! Слишком слаб! Слишком низок! Слишком стар!» – Он выкрикивал их характеристики, как ингредиенты для некоего мудреного рецепта, отметая виновных в них взмахом руки. Те, кого он одобрил, получили кивок принятия.

Увидев Яэль, он ни залаял, ни кивнул. Сначала он покосился – по-змеиному острые глаза за стеклами очков.

Яэль прищурилась в ответ. У нее была резь в глазах, обостренная тремя днями страха и слишком ярких фонарей. Ее колени болели и дрожали, но она изо всех сил пыталась стоять прямо. Она не хотела быть слишком маленькой, слишком слабой, слишком низкорослой.

Человек спустился с ящика и направился к матери Яэль, которая встала перед дочерью, как бы желая заслонить ее. Но от взгляда этого человека было не укрыться. Он все отметил, глядя на Яэль и ее мать, как если бы они были костюмами, нуждающимися в починке. Измеряя глазами, представляя, что могли бы сделать несколько стежков и сборок.

Яэль уставилась в ответ, производя собственные измерения. Вблизи мужчина выглядел иначе. За пределами света, с отпечатавшимися на нем тенями (на нем они казались очень темными, перебивая то первое сверкающее впечатление). И пахло от него по-другому. Не чистотой, нет. Резкие, химические запахи, которые позже Яэль научилась ассоциировать с отбеливателем, и кровью, и неосторожными скальпелями.

Этот человек не торговал благими вестями, или благословениями, или чудесами.

Он был ангелом другого рода.

Колени Яэль болели. Глаза жгло от слез. Она продолжала стоять. Продолжала смотреть. Сжимая юбку матери непослушными пальцами.

Человек в белом халате взглянул на охранника рядом с собой, который был занят тем, что заносил что-то в блокнот.

– Оставьте эту девочку для «Эксперимента 85». Он долгосрочный, поэтому она должна быть размещена в казармах заключенных. И проследите, чтобы ее волосы были подстрижены. Не сбриты. Мне понадобятся пряди для образцов.

– Да, доктор Гайер, – охранник схватил Яэль за руку, оцарапал ее кожу двумя быстрыми движениями своей ручки. Отметка X обозначала выжившего. – А что с ее матерью?

Человек пожал плечами. «Она кажется достаточно сильной», – все, что он сказал, прежде чем вернулся к ящику, к свету, который делал его ослепительным и сияющим.

Яэль так никогда и не узнала, почему доктор Гайер выбрал ее. Почему ее – из всех маленьких детей, которые в ту ночь вывалились из вагонов и прильнули к пальто своих матерей – определили в линию живых.

Но пройдет совсем немного времени и она поймет, для чего ее отметили.

Это был «Эксперимент 85»: каждое утро, после четырехчасовой поверки, охранник выкрикивал номер Яэль. Каждое утро она должна была следовать за ним сквозь двое ворот с колючей проволокой и через железнодорожные пути, прямиком в кабинет врача.

Перед уколом медсестра привязывала Яэль к каталке. Она никогда по-настоящему не смотрела на Яэль, даже когда переворачивала руку девочки, чтобы проверить отпечатанные номера. Водянистые глаза всегда фокусировались на неодушевленном: пятна крови, невысохшие на плитках пола или забрызгавшие прежде белый фартук. Блестящая черная кожа ее туфель. Планшет, в который она вносила информацию о Яэль.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: 121358.X

ВОЗРАСТ: 6 ЛЕТ

ЭКСПЕРИМЕНТ № 85: ПРИМЕНЕНИЕ МЕЛАНИНА

СЕАНС: 38

Доктор Гайер был другим. С момента, когда он перешагивал через порог, его глаза никогда не оставляли Яэль. Он садился на крутящийся стул, сложив на груди руки. Немного наклонялся назад, изучая маленькую девочку перед собой. На его лице не было морщин – ни нахмуренные от усталости брови, ни тяжесть мира не изменили его кожу.

Он даже улыбался, когда задавал вопросы. Яэль могла видеть все его белые-белые зубы, разделенные крошечной черной щелью там, где два передних резца не вполне сходились. Именно на этой части его лица она всегда

сосредотачивалась, когда он говорил. Щель. Мягкие, ненаполненные смыслом слова – единственное, что нарушало его образ доброго отца.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивал он ее, наклоняясь вперед на своем грибовидном стуле.

Яэль никогда не знала ответа на этот вопрос. Что именно ожидал услышать от нее доктор Гайер, если в койке, которую она делила с матерью, Мириам и тремя другими женщинами, было полно вшей. Ночью температура опускалась так низко, что солома в их матрасе вонзалась ей кожу, будто спицы. Она была всегда голодна, даже несмотря на то, что бабушка на койке напротив тайком проносила ей дополнительную пайку хлеба каждую ночь.

«НЕ СМОТРИ НА НОЖИ, СКАЖИ ЕМУ ТО, ЧТО ОН ХОЧЕТ СЛЫШАТЬ»

Она хотела быть сильной, храброй, поэтому произносила единственное слово, которое может сказать сильная, храбрая девочка: «Хорошо».

Губы доктора растягивались в улыбке, когда она говорила это. Яэль хотела, чтобы он был довольным. Она не хотела, чтобы пятна на полу были ее кровью.

На каждом сеансе он рассматривал ее кожу. Светил ярким светом тонкого фонарика ей в глаза. Выдергивал несколько ее коротких волосков для анализа цвета. Когда завершался ряд вопросов и ответов, доктор Гайер брал планшет у медсестры, стоявшей в углу. Всегда пролистывал страницы, каштановые волосы падали ему на глаза, когда он расшифровывал каракули медсестры.

«Выработка меланина, как представляется, неуклонно снижается… Обратите внимание на бледные пятна на коже, а также незначительные изменения в пигментации радужки субъекта. Уровень эумеланина также уменьшается, как видно из цвета волос субъекта».

Они никогда не называли Яэль по имени. Она всегда была субъектом. Или, если им нужно было быть более конкретными, «Заключенный 121358.X».

– Мы добились прогресса, – улыбка у доктора Гайера натянутая, как будто его губы размыкаются при помощи иголок. Он вернул планшет медсестре, развернул

свое кресло к медицинскому откидному столику, где аккуратными рядами располагались иглы. Прямые серебряные клыки, ждущие, чтобы впрыснуть яд под кожу Яэль. Наполнить ее еще двумя днями огня и агонии. Изменить ее изнутри. Забрать все цвета и чувства, людей. Опустошать и опустошать до тех пор, пока ничего не останется.

Просто призрак девочки. Пустая оболочка.

Прогресс.

Глава 2

Сейчас. 9 марта 1956 года. Германия, столица третьего рейха

Солнце выглядело низкой оранжевой угрозой в небе, когда Яэль вышла из квартиры на улицу Луизен – асфальтовую артерию в самом сердце города, что когда-то назывался Берлином. Она слишком долго задержалась в кресле тату-художника, терпя иглу, муки и воспоминания. Наблюдая, как он кладет финальные черные штрихи на последнего черного волка.

Это был ее пятый и заключительный визит в крошечную каморку с чернильными бутылками и креслом с потрескавшейся кожей. Пять посещений, чтобы скрыть кривые цифры на левой руке. Пять посещений для пяти волков. Они бросались, толкались и выли на ее руке до самого локтя. Черные и всегда бегущие, состязающиеся с ее кожей.

Бабушка, мама, Мириам, Аарон-Клаус, Влад.

Пять имен, пять историй, пять душ.

Или считая по-другому: четыре воспоминания и напоминание.

Но волк Влада должен быть совершенным, как и другие. Яэль испытывала свою удачу, наблюдая, как часы на дальней стене начали свой путь к закату. В конце концов, волк Влада был идеальной открытой раной, пульсирующей под поспешно намотанной марлей.

Яэль опаздывала.

Германия была опасным местом после наступления темноты. Официальный комендантский час наступит через несколько часов, но это не останавливало патрули, скрывающиеся на углах улиц столицы, проверяющих документы случайных прохожих.

Готовых арестовать за малейшее отклонение от нормы.

Ничего хорошего ночью не происходит, рассуждали национал-социалисты. У честных людей нет необходимости быть на улице, когда магазины и пивные закрыты. Единственными людьми, достаточно отчаянными, чтобы проворачивать свои делишки под яркой луной и тяжелыми тенями, были заговорщики Сопротивления, негодяи с черного рынка и замаскированные евреи.

Яэль относилась сразу ко всем трем.

Лидеры Сопротивления собирались ее строго наказать. Особенно Хенрика. Миниатюрная полька с обесцвеченными кудрями, торчащими во все стороны, была гораздо страшнее, чем можно было предположить из такого описания внешности. Яэль предпочла бы услышать неумолимый голос командующего армией национал-социалистов Райнигера встрече с тем смерчем – или медведем – или ураганом, которым была Хенрика.

Вероятно, они оба прочитают ей нотацию (Хенрика: «Как ты могла отсутствовать в столь позднее время! Мы думали, что ты мертва или даже хуже!» Райнигер: «Ты хоть осознаешь, насколько эгоистична? Ты могла поставить под угрозу Сопротивление. Мы уже близки к цели. Так близки»). Если патрули не поймают ее первыми.

Улица Луизен была пуста, когда Яэль шла под ее яркими фонарями. Длинный ряд Фольксвагенов, – идентичных во всем, за исключением госномеров, – защищал бордюры. Продуктовый магазин в конце дома был уже давно закрыт, а

его окна темны. Агитационные плакаты – некоторые оборвались и свернулись, другие были еще свежими из-за клея – выстроились в ряд на стенах между входными дверями, напоминая здоровым блондинистым арийским детям о вступлении в Гитлерюгенд. Напоминая их матерям рожать больше здоровых блондинистых арийских детей, которые вступили бы в Гитлерюгенд.

Идти Яэль было недалеко: всего несколько домов до безопасного скрытого подвала пивной. Но достаточно одной встречи. Одного слишком поспешного ответа.

Желание пойти быстрее, чтобы избежать обнаружения, пульсировало у Яэль в горле, когда она промчалась мимо рядов плакатов, поворачивая за угол в тихий переулок.

И столкнулась с патрулем лицом к лицу.

Это был стандартный отряд: двое молодых мужчин с Маузерами 98к на наплечных ремнях. Солдаты прислонились к стене, раскуривая одну на двоих сигарету с черного рынка. Незаконный дым клубился из их губ, как десятки призрачных язычков. Белый – не черный, как клубы в детстве Яэль. Те, что день и ночь валили из высоких дымовых труб. Когда Яэль была маленькой, она думала, что внутри этих закопченных кирпичных стен живет монстр. (Сейчас она знала правду. Видела фотографии и бесконечные списки погибших. Ряды и ряды чисел, как те, что прятали ее волки. Монстр был, но он жил не внутри крематория лагеря смерти. Его берлога была гораздо лучше – Канцелярия. Похищенные произведения искусства и двери с железными замками).

Этот белый дым быстро исчез, когда солдаты увидели ее. Первый бросил сигарету и затушил каблуком. Второй позвал ее грубым голосом: «Эй, там! Фройляйн!»

Пути назад не было.

«ИДИ ПРЯМО НЕ ПОКАЗЫВАЙ СТРАХА, СТРАХА»

Подойдя к паре, Яэль решительно вскинула руку в обязательном салюте: «Хайль Гитлер!»

Оба солдата пробормотали ответ. Первый стряхнул табак со своего каблука в трещины тротуара. Второй протянул руку.

Яэль понадобилось дополнительное мгновение, чтобы понять, о чем он спрашивал. Она проходила через эти игры с патрулями и раньше (больше раз, чем она когда-нибудь признается Хенрике или Райнигеру), но вид дыма, а также часы, проведенные в салоне, выбили ее из колеи. Сеансы с иглой всегда заставляли Яэль чувствовать себя так, будто она истекала кровью. Дело было даже не столько в чернилах и боли, сколько в самой игле. В воспоминаниях об иглах. Что они могли сделать. Что они сделали.

Даже самые обычные иглы делают две вещи: они дают и они отнимают. Иглы художника-татуировщика забрали белую кожу и числа, но дали ей волков. Иглы доктора Гайера забрали столь многое. Но то, что они дали…

У Яэль было много лиц. Много имен. Много комплектов документов. Потому что химические препараты, которые ангел Смерти влил в вены Яэль, изменили ее.

– Документы, – потребовал второй солдат.

Яэль знала, что лучше не спорить. Ее дрожащие пальцы опустились в карман кожаной куртки и вытащили потрепанную книжицу, которая соответствовала сегодняшнему лицу.

– Мина Ягер, – вслух прочитал солдат. Взглянул на фото, на лицо и снова на фото. Перевернул пожелтевшую страницу, проявляя интерес к непримечательной истории Мины: родилась в Германии, блондинка, член Гитлерюгенда. Примерная биография каждого подростка в радиусе шестнадцати километров.

– Что вы так поздно делаете на улице, фройляйн Ягер? – спросил первый солдат, пока второй был занят чтением.

Настоящий ответ? Делала на черном рынке татуировку, чтобы скрыть свой еврейский номер, прежде чем отправиться на сверхсекретное задание Сопротивления, чтобы покончить с Новым порядком. Правда столь абсурдная, что солдаты могли бы ее даже высмеять, если бы Яэль озвучила ее. Маленькая своевольная часть ее хотела попытаться, но она примирилась с лучшим ответом.

Скучным.

– Надеялась успеть в продуктовый магазин до закрытия. У моей матери закончились яйца, и она послала меня подкупить еще.

– Яйца… – Первый солдат нахмурился и кивнул на руку. – А это что?

Яэль проследила за его взглядом на манжету ее левого рукава. Ее марлевая повязка была слишком небрежной. Сетчатый белый хвост выглядывал из-под кожи.

– Повязка, – сообщила она ему.

Он наклонился. Ближе, заинтересованный. Его дыхание было несвежим от дыма: «Дайте взглянуть».

Сердце Яэль – черт, ну стучи же! – прошил разряд.

Яэль могла менять свою внешность, как другие люди – одежду. Эти способности могли изменить многое: ее рост, вес, цвет и длину волос, голос. Но кое-что не переделать: пол, раны, чернила татуировки.

Они неизменны.

Волки были ее постоянной, тем единственным, что было в ней основательным и бесспорным. Несколько месяцев тому назад, когда Яэль вернулась в штаб-квартиру сопротивления со своим первым, свеженьким волком, Хенрика сказала ей «пару ласковых» по этому вопросу (главными среди них были слова «явная улика»). Полька дошла даже до того, чтобы указать, что религиозные законы народа Яэль запрещают эту практику.

Но что сделано, то сделано. Чернила были под кожей Яэль более десятилетия. Она просто сделала их своими, добавляя волков. Новые отметки были гораздо лучше номеров национал-социалистов. Одного их присутствия было недостаточно, чтобы осудить Яэль, но они бы вызвали вопросы, если бы патруль их увидел. Достаточно подозрительно, чтобы задержать ее.

Единственное, что вызвало бы еще больше вопросов, это отказ Яэль отвечать солдату. Медленно, медленно она подняла рукав. Марля покрывала всю руку. Испачканная, в ржавых пятнах и изношенная по краям.

Солдат покосился на нее: «Что случилось?»

Теперь сердце Яэль громко стучало (Вспышка, удар, тишина. Вспышка, удар, тишина), тяжело пульсируя от осознания, что от беды ее отделяли несколько ниточек. Все, что нужно было сделать солдату, – это протянуть руку и потянуть. Увидеть чернила, ссадину и кровь.

Что потом?

Выход был всегда. Влад научил ее этому, как и многому другому. Двое мужчин и их винтовки не шли ни в какое сравнение с приобретенными ею навыками, пусть даже они были заключены в теле семнадцатилетней девушки. Она спокойно могла вырубить их и исчезнуть за двадцать секунд.

Могла, но не стала. Происшествие в такой близости от штаб-квартиры Сопротивления, накануне ее первой миссии, – это было слишком рискованно. Это привлечет внимание Гестапо к соседям. Разоблачит Сопротивление. Разрушит все.

Да, выход был всегда, но сегодня вечером (вечер всех ночей) каждое действие должно быть хорошо продуманным.

– Это укус собаки, – ответила Яэль. – Бродяжка напала на меня несколько дней назад.

Мгновение солдат оценивал повязку. Агрессия сменилась участливостью.

– Было плохо? – спросил он.

Было плохо? Яэль вынесла бы тысячу и один укус собаки Мины, а не все то, что действительно произошло. Поезда и заборы с колючей проволокой. Смерть и боль, и смерть.

– Я выжила, – ответила она, улыбаясь.

– Бродячие суки – хорошая практика в стрельбе по целям. Почти как коммунисты и евреи. – Солдат рассмеялся и шлепнул по прикладу своего Маузера. – Следующую, которую увижу, я застрелю в вашу честь.

Яэль поджала губы на манер кроткой и скромной Мины. Маска хорошей маленькой жительницы Рейха. И только в невидимых глазу местах она бушевала: пальцы внутри сапог крепко сжались. Рука скользнула обратно в карман куртки, где лежал ее надежный пистолет «Вальтер П-38».

Второй солдат закрыл книжицу: печать Рейха на обложке – все, что могла видеть Яэль. Крылья орла были неподвижны: двойной салют. Венок и витой крест легко висели в его когтях. Все столь же черное, как чудовищный дым. Та же чернота, что вырастет внутри Яэль, если она позволит воспоминаниям снова накатить на нее.

– Все, кажется, в порядке, фройляйн Ягер. – Он протянул ей книжицу Мины.

Яэль ощущала привкус дыма в горле. Пальцы ног щелкали – поп, поп, поп – маленькими, тихими выстрелами внутри сапог.

Для воспоминаний было время и место. Была цель, ждущая ярости ее мести. Этот вечер, эта улица, эти мужчины не были ни тем, ни другим.

Ее рука соскользнула с пистолета. Вместо этого Яэль протянула руку и схватила документы.

– Спасибо, – поблагодарила она, пряча страницы жизни другой девушки поглубже в куртку. – Я должна идти. Моя мать будет беспокоиться.

Второй солдат кивнул: «Конечно, фройляйн Ягер. Сожалеем, что задержали вас».

Она пошла. Затолкав ладонь в один из карманов, Яэль сжала талисманы, которые там хранила: затупленная канцелярская кнопка, деревянная кукла размером с горошину с безмятежным лицом. Один за другим пальцы на ногах

расправлялись. Постепенно чернота отступила, вернулась к своему беспокойному сну.

– Аккуратнее с бродячими собаками! – крикнул ей вслед первый солдат.

Яэль поднял руку в знак признательности, но не обернулась. Она покончила с солдатами и бродягами.

Ей предстояло встретиться с куда более страшными вещами.

Глава 3

Сейчас. 9 марта 1956 года. Германия, третий рейх

Яэль задержала дыхание, зайдя в кабинет Хенрики. Она ждала шквала кудахтанья наседки и клевков за провинность (Где ты была? Я так волновалась! Я думала, тебя раскрыли, убили, ты попала в катастрофу!). Но подвальная дверь распахнулась, а в комнате Хенрики не было.

Возможно, ее совсем даже и не потеряли.

Яэль выдохнула и спустилась по ступенькам в кабинет. Это было не самое роскошное помещение: и без того небольшие размеры были стеснены полками поверх полок, столом военного образца и карточным столом, окруженным разными стульями. Повсюду лежали бумаги. Они покрывали стены, своенравно торчали из ящиков, были разложены по папкам по всему столу Хенрики. Документы старых операций, стопка разведданных на высших должностных лиц национал-социалистического правительства и спасенные книги. (Яэль прочитала библиотеку Хенрики по крайней мере шесть раз, узнав о «Биологии дикой природы пустыни» и «Истории западной цивилизации» и «Математическом анализе» и всем остальном, что смогли предложить видавшие виды наборы справочников).

Но одна бумага всегда привлекала взгляд Яэль: оперативная карта, которая занимала дальнюю стену. Вся Европа была окрашена в красный цвет. Багровый прилив перекатывался через Уральские горы и кровоточил в Азии. Алый цвет заливал Средиземное море и стекал на север Африки.

Красный: цвет боевых ран и Третьего рейха. Горькой, яркой смерти.

Всякий раз, когда Яэль изучала эту карту, она против воли поражалась масштабу победы Гитлера. Рассказывали, что когда фюрер впервые объявил свое видение оккупированных стран Африки и Европы своим генералам, некоторые из них засмеялись. «Невозможно, – сказали они. – Это невыполнимо».

Но слово невозможно было не для такого человека, как Гитлер. Его армии маршировали по всей Европе, беспощадные войска СС игнорировали все «цивилизованные» правила ведения войны, одинаково сметая на своем пути как солдат неприятеля, так и мирных жителей.

Некоторые страны, например Италия и Япония, присоединились к неистовству гитлеровской аннексии, жаждая своих собственных территорий. Другие страны, слишком пострадавшие от войны, бушевавшей по всему миру двумя десятилетиями раньше, отказались сражаться. Не составило большого труда убедить их подписать пакт о ненападении с Осью. «Мир любой ценой» – изоляционистская фраза американских газет. Советский союз также подписал Пакт, потому что не все было ладно в стране. Ограниченные восстания против сталинских этнических чисток и раскол в правительстве постепенно уничтожили великую коммунистическую военную машину. Он был совсем не готов к войне.

Британия была единственной великой державой, которая не пошла не сотрудничество или осталась в стороне. И также стала первой павшей из великих держав. Ее самолеты и мужество не смогли остановить операцию «Морской лев». После того, как национал-социалисты водрузили свои флаги на камнях разрушенного парламента, Гитлер взял паузу, укрепляя свою власть в завоеванных странах, устремив расчетливый взор на восток.

Советский союз разрушался из-за потрясений. Противники Сталина возникли из небытия, осудив его альянс с немцами. Мятежи охватывали целые регионы страны. К моменту, когда фюрер окончательно нарушил свой пакт о ненападении в 1942 году, армия Сталина слишком ослабела от войны на два

фронта. Национал-социалисты и итальянцы разрушили европейские границы Советов, а японские солдаты в то же время постепенно приближались к Сибири.

После того, как Гитлер уверился в поражении Советов, он снова обратил свой взор на итальянских союзников (чьи недавно приобретенные территории случайно оказались в Европе и Африке). Использовав своих шпионов для убийства итальянского лидера Муссолини и обвинив в этом итальянских партизан, Гитлер ввел свои войска в Италию и на ее территории для «стабилизации региона».

Они так и не ушли.

Красные земли Европы и Африки были объявлены «Лебенсраумом»[1 - Lebensraum (нем.) – в буквальном переводе – «жизненное пространство». – Здесь и далее – прим. пер., если не указано иное.] – жизненным пространством для арийцев. Их собственное население стало «гражданами второго сорта». Любой сопротивляющийся отправлялся в трудовые лагеря. Евреи, цыгане, славяне и все остальные, кого фюрер считал Untermenschen[2 - Недолюдьми (нем.)], были арестованы. И отправлялись в лагеря другого рода.

В оперативной карте Хенрики багряный был не единственным цветом. Две непохожие империи составляли Ось: Третий рейх и Япония, которая управляла Великой Восточно-Азиатской сферой взаимного процветания. Фюрер и император Хирохито разделили пополам азиатский континент, как рождественский пирог, прямо по семидесятому меридиану. Хенрика выбрала зловещий серый цвет, чтобы закрасить императорскую территорию.

У верхней части карты, обозначавшей крайний север, вообще не было никакого цвета. Просто огромный белый участок зимних земель, где находились остатки сталинской армии. Слишком раздробленные, со слишком ограниченными ресурсами и слишком замерзшие, чтобы силы Оси с ними возились.

Более десяти лет эти цвета оставались неизменными. Становились лишь гуще и сильнее окрашенными. (Хотя, по данным разведки Сопротивления, амбиции Гитлера в отношении национал-социалистов и арийской расы были глобального масштаба. Не важно, что он подписал пакты о ненападении с Америкой, или был верным союзником императора Хирохито. Интриги и политические предательства были специализацией Гитлера. Кроме того, выполнением

военных заказов были заняты сотни трудовых лагерей рейха.)

Глядя на карту, Яэль не смотрела на цвета или их отсутствие. Она не считала зашифрованные оперативные значки, отмечавшие крупные города Рейха, – Германия, Лондон, Каир, Рим, Багдад, Париж.

Яэль смотрела на предстоящую дорогу впереди.

Гонка Оси.

Гонка на длинную дистанцию началась как одно из направлений деятельности Гитлерюгенда – тренировка для юношей, которые хотели вступить в мотоциклетный батальон «Краудшутцен»[3 - Kradsch?tzen-Kompanie «GD» – рота (впоследствии – дивизия), входившая сначала в полк «Великая Германия» (1940 г.), а затем и в одноименную дивизию (1942, 1944 гг.).]. Она была настолько популярна, что превратилась в гонку. Когда война была выиграна, Йозеф Геббельс, министр пропаганды рейха, решил транслировать соревнование по телевизору, чтобы похвастаться завоеванными территориями империй Оси, отпраздновать их победу и содействовать их союзу. Подростки из Гитлерюгенда и большой Ассоциации искренности Великой Японии соревновались каждый год, гоняя на своих мотоциклах из столицы в столицу. Путешествие, которое привлекало внимание всего населения Оси на добрую часть месяца.

Хенрика отметила путь гонки черным пунктиром, который охватил три континента в форме кривой буквы U. Яэль проследила путь указательным пальцем. Начало в Германии, вниз по сапогу, некогда бывшем Италией, по морю, вдоль песков Сахары, через скалистые горы на Ближнем Востоке, в джунгли Индокитая, до порта Шанхай, еще по морю, вплоть до Токио. Это были 20 780 километров, разделенных на девять этапов, которые пройдут двадцать гонщиков, сражающихся за победу.

Она должна была предпринять это путешествие. Она должна была выиграть эту гонку.

Подвальная дверь распахнулась и появилась Хенрика, с широко раскрытыми глазами сжимающая в руках охапки документов.

– Яэль? – женщина всегда приветствовала девушку с вопросительной интонацией, когда та носила рукава. Хенрика иногда жаловалась, что в репертуаре Яэль было так много лиц, что она не могла запомнить все. (Справедливости ради, лица были очень похожи: овальная форма, светлые волосы, яркие глаза, длинный нос, ровные белые зубы. Яэль частенько не могла отличить свои образы от себя самой. Они были почти дьявольски взаимозаменяемы.)

Яэль убрала палец с Токио, позволив мягким чертам фройляйн Ягер растворитьcя в лице Мины. В ее воображении возникло новое лицо: арийское, но более резкое. Яэль создала его за считанные секунды. Процесс растяжения кожи, смещения костей и деформации хрящей всегда был болезненным, но быстрым: щелк, щелк, щелк. Новые детали, новая девушка.

Хенрика наблюдала за трансформацией Яэль через пряди ломких, осветленных дома кудряшек, мрачнея все больше и больше: «Где ты была?»

Ну началось. Яэль смогла почувствовать гневную тираду, зревшую в крошечном теле женщины. Это почти заставило ее улыбнуться – Хенрика все еще возилась с ней, как с каким-то гадким утенком, даже после многих лет бедной жизни (или выживания) одинокой девушки и интенсивной оперативной подготовки Влада.

– Ты должна была быть здесь более четверти часа назад! Каспер ждал в грузовике, а я чуть не сошла с ума от беспокойства! Я была в шаге от того, чтобы рассказать Райнигеру и отправить поисковую группу за тобой! Он мог бы вообще отменить миссию! От тебя так много зависит!

В отповеди было так много правды, что Яэль не улыбнулась.

– Прости, Хенрика. – Она замолчала, пытаясь придумать, что еще сказать, и не добавить еще одну беспокойную морщинку стареющей коже женщины. – Правда.

Гнев Хенрики увял в глубине груди. Казалось, что энергии у нее хватало только на десять секунд крика. Яэль задавалась вопросом, как же долго она не спит. Вереница бессонных дней была не редкой для пожилой женщины, проводившей большинство из них в этом тайном кабинетике, – согласовывая места высадки боевиков и расшифровывая сообщения от ячеек из всех территорий Оси. Это

место и эта неукротимая полька были мозговым центром Сопротивления, собирающим информацию, распространяющим ее через многочисленные нервные окончания, вызывающим движение.

В последнее время рабочая нагрузка Хенрики была особенно интенсивной в связи с предстоящей Гонкой Оси. Ей нужно было убедиться, что мир готов к тому, что произойдет, если Яэль выполнит свою миссию: полномасштабное восстание. Возрождение операции «Валькирия».

Хенрика подошла к своему столу и положила новые документы в лавину папок из манильской бумаги. В дальнем углу, позади кучи файлов и изношенной пишущей машинки, на высоких, зернистых частотах поскуливал телевизор. Его черно-белые кадры мелькали странным светом на облупившейся краске потолка. Хенрика остановилась, чтобы посмотреть на экран. Показывали старые кадры – монтаж прошлогодней Гонки Оси. Краткие моменты с проезжающими мимо мотоциклами, снятые с обочины, перемежались снимками официального времени гонщиков, записанного мелом на досках промежуточных городов. Но главной изюминкой репортажа были интервью, проводимые на каждом промежуточном этапе. Беседы с гонщиками, которые когтями продирали себе путь на вершину списка. Множество немецких юношей, цитирующих «Майн Кампф», гордых и напыщенных. Японские юноши с глянцевыми волосами, серьезные и жутко важные.

А еще там была Адель Вольф. Девушка, которая использовала документы своего брата-близнеца и смогла попасть в гонку, где участвовали только мужчины. Которая обрезала волосы и перевязала грудь и принимала участие в Гонке наравне с другими. Единственная девушка, которая когда-либо принимала в ней участие. Победительница девятой Гонки Оси.

Победоносная Адель Вольф обладала классической для Рейха красотой: бледная, бледная, бледная, с тонкими светлыми волосами и нордическими глазами. Это лицо транслировали по всему «Рейхссендеру»[4 - Reichssender (нем.) – букв. Имперское радио.] (единственный одобренный телевизионный канал) через несколько дней после ее победы и удивительного признания, что она была не Феликсом Вольфом, а его сестрой. (Руководство гонки чуть было не лишило ее Железного креста. Но фюреру понравилась стройная блондинка. Он сказал, что она являет собой прекрасный пример арийских великолепия и силы. Никому и в голову не пришло оспаривать его решение). Камеры следовали за ней повсюду, документируя десятки интервью для прессы, церемонию

награждения на фоне горы Фудзи, традиционный Бал Победителя в Императорском дворце в Токио.

Без своего гоночного снаряжения, завернутая в шелковое кимоно, Адель Вольф выглядела почти утонченно. Трудно было вообразить, как именно девушка, выглядевшая как лесная фея из сказок братьев Гримм, побила девятнадцать здоровенных юношей в столь суровых условиях. Даже после десяти месяцев изучения кадров гонки, отработки маневров и скорости на своем собственном мотоцикле «Цюндапп КС 601» на автобанах сельской местности, Яэль все еще не понимала, как Адель удался ее подвиг.

Но она была близка к разгадке.

Хенрика отвернулась от экрана и взглянула на недавно измененное лицо Яэль: «Ты выглядишь так же, как она».

Точные перевоплощения обычно занимали несколько дней изучения. И даже тогда они были не всегда аккуратными. Всегда нужно было что-то подкорректировать, исправить мельчайшие детали. Правильный цвет глаз и волос. Пропущенные веснушки. Точный угол кривизны носа. Шрамы, глубокие и широкие и беспокоящие кожу.

Яэль усовершенствовала внешность Адель Вольф за одну неделю. Она была высокой (175 сантиметров), с белокурыми волосами и тремя весьма примечательными веснушками на левой щеке. Нереально голубые глаза – как многочисленные голубые пластинки ледникового льда, или тропические отмели. Воспроизведение внешности Адель Вольф было самой легкой частью. Вызовом стали все другие аспекты жизни девятой победительницы гонки.

Яэль изучала Адель Вольф почти год. Дышала, спала, ела, жила – все как Адель. Наблюдала за девушкой вблизи и на расстоянии. Совершенствовала походку (как будто ее растянули на шелковых веревках). Отмечала, как та накручивала кончики волос, когда нервничала. Запоминала каждый странный, казалось бы, бесполезный факт из прошлого Адель.

Яэль было известно следующее: Адель Вольф родилась 2 мая 1938 года в семье механика и домохозяйки на окраине Франкфурта, Германия. Двое ее братьев – Мартин (старший) и Феликс (близнец) – обучили ее боксу и борьбе. Мать научила

ее вязанию (не так уж и успешно – носки всегда выходили кривыми и расходились по петлям), а отец пристрастил ее к гонке (довольно успешно, хотя девочкам не разрешалось участвовать в официальных состязаниях). Она яростно и страстно ненавидела свеклу и рыбу. Ее любимым цветом был желтый, но она всегда говорила людям, что красный, потому что он казался более яростным.

Больше всего на свете, Адель Вольф хотела быть кем-то.

Она начала участвовать в гонке под именем своего брата-близнеца в возрасте десяти лет. Сначала это были одна или две гонки. Но затем она начала выигрывать. Феликс Вольф достиг вершины в своей возрастной группе, а его имя и фотографию даже напечатали в газете «Рейх». Адель участвовала в гонках и побеждала, участвовала и побеждала, и казалось, ничто не может ее остановить.

До дня, когда Мартин попал в аварию на гоночной трассе. Дня, который сломал жизнь семьи Вольф так, что уже никогда и не поправишь. Родители Адель вместе открестились от состязаний, запрещая оставшимся своим детям даже смотреть Нюрбургрингские гонки.

Но страх Адель перед дорогой не шел ни в какое сравнение со страхом потеряться. Быть поглощенной системой разведения матерей нации блондинов. Обреченной на годы опухших щиколоток, истощенного тела и иссушенной груди.

Это не будет ее судьбой. Спустя пять лет после смерти старшего брата, она взяла документы Феликса Вольфа. Девушка приняла участие в крупнейшей гонке Рейха. И она выиграла.

Как будто по команде, на оживленном экране промелькнул кадр самого популярного фильма о гоночной карьере Адель Вольф. С Бала Победителя 1955 года – вечеринки, проводимой в честь победителя Гонки Оси, которую посещали высшее общество Токио и высшие должностные лица Рейха. Адель потрясла весь мир на финише, раскрыв свою истинную личность девушки, но то, что произошло во время бала, ошеломило некоторых зрителей «Рейхссендера» даже больше.

Адольф Гитлер – человек, вечно скучающий на вечеринках – пригласил Адель Вольф на танец. Фюрер, который выходил за большие с железными засовами

двери Канцелярии только два раза в год (и когда это происходило, его окружала плотным кольцом блестящая черная форма СС), позволил Адель соприкоснуться с ним кожа к коже для пятиминутного, записанного для телевидения вальса.

Эта была одна из многих причин, по которым Райнигер, генерал национал-социалистов и тайный лидер Сопротивления, передал Яэль дело Адель Вольф. Гитлер был с девушкой достаточно близко, чтобы она могла всадить лезвие ножа ему между ребер. Если он сделал это один раз, значит, сделает и снова.

И в этот раз оружие будет подготовлено.

Но чтобы присутствовать на Балу Победителя в Токио, Яэль должна выиграть гонку. А чтобы выиграть Гонку Оси, ей нужно принять участие в ней как Адель Вольф. Чтобы принять участие в качестве Адель Вольф, она должна занять место реальной девушки. Чтобы занять место настоящей Адель, ей придется похитить человека и вернуться, прежде чем наступит комендантский час. Скоро.

Яэль оглядела кабинет. Он казался слишком маленьким, слишком тихим для всего, что должно было случиться: «Где же Райнигер?»

– Эрвин хотел быть здесь, чтобы увидеть тебя, но у него возникли… другие дела. – Это был шифр Хенрики для обязанностей национал-социалиста. Яэль знала, что даже находясь среди национал-социалистов, Райнигер работает на Сопротивление – проникает в секреты партии, вербует офицеров, чье чувство ужаса и нравственности каким-то образом уцелели после всех лет Нового порядка, готовит крупные армейские части к предстоящим путчам – но мысль о том, что он встречается с людьми, которые танцевали на костях и крови ее народа, всегда скручивала ей живот.

– Он хотел, чтобы я отдала тебе это. – Хенрика вытащила сложенный листок из новых документов и передала его Яэль. Это был зашифрованный список адресов и протокол контактов. По одному на каждый из девяти городов на черной пунктирной линии.

Прага. Рим. Каир. Багдад. Нью-Дели. Дакка. Ханой. Шанхай. Токио.

– Если тебе понадобится что-нибудь в дороге, эти ячейки смогут тебе помочь. Просто убедись, что за тобой нет хвоста, прежде чем нанести им визит.

Яэль сложила бумагу в восемь раз и убрала его: «Что-то еще?»

Губы пожилой женщины задрожали. У нее тряслись даже пальцы, когда она заправляла свои обесцвеченные волосы за ухо. Когда же она покачала головой, непокорные пряди вернулись на свое место.

– Я буду смотреть на тебя. – Хенрика кивнула на экран. Глаза у нее были мокрыми, а в шепоте слышалась напряженность. Печаль, наполненная годами, что они провели вместе: выпечка, чтение книг, шпионаж за клиентами пивной через дыру в доске в старой штаб-квартире. Годами, когда Яэль ощущала себя почти нормальным подростком.

– Сделай, что необходимо, а потом возвращайся. – То, как пожилая женщина сказала это, заставило Яэль подумать о всех оперативниках, которые не вернулись. Булавки, которые сняли с карты, оставившие следы крошечных дырочек в мире на багровой бумаге.

Яэль обняла Хенрику, зарывшись лицом в блузку женщины. Тонкая ткань содержала странную смесь запахов: сливочного масла и муки, старых документов и чернил для пишущей машинки. Руки Хенрики были намного сильнее, чем можно было предположить из-за их худосочности, сжимали ребра Яэль до тех пор, пока перед глазами у нее не поплыл туман. Несколько секунд Яэль отдыхала в этих слезах и объятиях. Затем она в последний раз глубоко вдохнула – библиотека, пекарня, дом – и вырвалась.

Ни одна из них не попрощалась. Это было слишком трудно сказать вслух. Слишком окончательно и убийственно сейчас.

Яэль подошла к двери и в последний раз взглянула на дальнюю стену. Где испещренные дырами континенты сочились красным, дымчато-серым.

В последний раз она видела подобную карту.

Потому что завтра начнется конец. Она собиралась участвовать в гонке от Германии до Токио. Она собиралась выиграть Гонку Оси и получить приглашение на Бал Победителя. Она собиралась убить фюрера и вызвать смерть Третьего рейха.

Она пересечет мир и изменит его.

Или умрет.

Глава 4

Сейчас. 9 марта 1956 года. Германия, третий рейх

Адель Вольф жила одна на окраине города. У нее была квартира на последнем этаже здания, с блестящим видом подмигивающих столичных огней. Она купила ее и оплатила в полном объеме еще год назад, потратив большую часть призовых денег от победы в Гонке Оси.

Только один из сотни фактов из папки Адель. Хотя Яэль знала каждый метр жилища победительницы благодаря информаторам и изучению старых чертежей здания, сама она никогда не была внутри квартиры.

Это должно было вот-вот измениться.

Яэль согнулась в кузове блестящего грузовика (Сопротивление фактически никогда не использовало прачечную на колесах для стирки, а только для слежки и курьерских поручений), наблюдая за входом в здание. Было тихо, почти так, как во время комендантского часа. За последние пять минут вышел только один пожилой мужчина, тащивший упирающегося бульдога, настоятельно призывающий его облегчиться, пока он топтался и ворчал под оранжевым светом фонаря. Теперь он ушел, и путь был чист: пустые улицы и ни одного автомобиля Гестапо. Высоко-высоко вверху ярко светились окна квартиры Адель Вольф.

– Готова? – Каспер, водитель и друг-оперативник, посмотрел на нее, повернув голову от подголовника с потрескавшейся кожей.

Смех пузырился у Яэль в груди. Готова? Её готовность ковалась годами. То, что началось в лагере смерти как упрямство ради выживания, расцвело в нечто гораздо более смертоносное. Подготовка Влада сделала ее жестокой в рукопашном бою. Смертельно точной с любым оружием, из которого стреляла. Книги Хенрики предоставили в ее распоряжение языки и информацию. В лагере она выучила русский, добавив его к родному немецкому. Японский, итальянский и английский появились позже, вместе с поверхностным знанием арабского языка. Она узнала все, что могла, о мотоциклах «Цюндапп КС 601». Она изучила остальных отобранных гонщиков, запоминая биографии и любимые обманные тактики. Втиснуть все это в слово, короткое и простое как «готово» казалось… забавным.

Отсюда и смех.

– Более чем, – сказала она Касперу. – Я просигналю из окна, когда схвачу цель. Будь готов помочь мне погрузить ее.

Каспер кивнул: «Не слишком затягивай. Через шестьдесят минут настанет комендантский час. Я хочу вернуть Победоносную Вольф Хенрике задолго до него».

Яэль убедилась, что ее лицо снова выглядело как у Мины Ягер. После одного, последнего осмотра улицы (все еще пустой, без лишних глаз) она выскользнула из грузовика и через холодную ночь проникла в мраморное фойе здания. В глубине находились двери лифта из блестящей латуни, зарешеченные яркими буквами «Х». Это был самый простой путь вверх, но он слишком походил на клетку. Слишком много «Х» пересекались у нее на лице. Перечеркивали ее.

Больше никогда.

Вместо этого она пошла по лестнице.

Яэль не теряла зря времени, достигнув двери квартиры Адель. Ее сердце стучало одновременно со стуком: стук, стук, стук, стук…

…

Ответа не было. Просто тяжелое молчание квартиры изливалось в холл. Привлекая внимание к резкости ее собственного сердцебиения.

Адель Вольф не было дома.

Пальцы Яэль взлетели к волосам Мины, вытянули две невидимки и распрямили их. На то, чтобы вскрыть замок, распахнуть дверь и войти ушло несколько секунд.

Внутри был такой беспорядок, который дал бы фору даже кабинет Хенрики. Признаться честно, Яэль не была чистюлей (Владу потребовалось три месяца, что заставить ее отказаться от привычки оставлять грязные стаканы в раковине, когда она жила на его ферме), но состояние квартиры Адель Вольф заставило ее отшатнуться. Одежда была повсюду. Наброшена на кресла. Скомкана у плинтусов. Стены были загромождены утвержденными рейхом картинами и фотографиями Адель на Балу Победителя, одетую в сложное кимоно и торжественно зажатую между фюрером и императором. Гиганты Востока и Запада, улыбающиеся в камеру.

Кожа Яэль поползла, плотно натягиваясь на кости. Она не могла долго смотреть на их лица, поэтому ее глаза скользнули к другим фотографиям: в рамках, разбросанных между давно стоящими, недопитыми кружками кофе без сливок.

Самая большая картина находилась у проигрывателя. На ней была изображена более молодая Адель: угрюмое лицо и скрещенные руки. Ее волосы, заплетенные в высокие косы, были самой яркой деталью в картине. Ее братья держали каждый по одной, выражения их лиц были полны веселья. Феликс и Мартин были красавчиками (Яэль отметила этот факт задолго до того, как впервые открыла дело Адель), хотя по этому фото трудно было сказать такое.

Мурашки. На этот раз не по коже, но в самом сердце. Яэль смотрел на лица братьев Адель – ее семьи – и подумала о волках на своей руке, об одинокой, потерянной стае.

Яэль повернулась ко всему спиной и закрыла дверь. Судя по вещам, Адель все еще упаковывалась. Быстрый взгляд на кухню показал, что чайник с водой стоял на зажженной конфорке. (Она вышла, чтобы с кем-то встретиться? Тогда она должна была воспользоваться лифтом.) Она скоро вернется – или квартира

сгорит.

Конечно же, чайник свистел, выпуская пар, когда входная дверь с грохотом открылась. Яэль попятилась в тень шкафа с пальто из колючих тканей.

«Дерьмо!» – первое слово из уст Адель Вольф. Яэль наблюдала через щель в двери шкафа, как ее фигура метнулась через всю квартиру. Легким толчком она погасила пламя, бормоча все больше проклятий и громко завизжав, когда попыталась резко снять горячий чайник с конфорки.

Девушка обезумела и впала в истерику. Размахивала обожженными пальцами в воздухе. Ее проклятия распадались на «дерьмо», «черт» и на другие красочные фразы.

Пришло время нанести удар.

Мурашки, поползшие по коже Яэль, соединились с дрожанием сердца. Пальцами она сжала свой пистолет и начала выходить из шкафа.

– Вижу, что кое-что не изменилось, – голос, глубокий и мужской, зазвучавший всего в метре от нее, заморозил Яэль на полушаге. Свободные пальцы зависли над деревянной дверью шкафа: девушка была слишком потрясена, чтобы закрыть ее.

Это неправильно. Яэль месяцами следила за квартирой победительницы. Наблюдала, как та заходит и выходит. Иногда Адель тащила кучу коричневых мешков с продуктами, в другое время она была одета в гоночную экипировку, готовая поехать. Всегда она была одна.

Но не сегодня вечером.

Яэль стиснула зубы и скользнула обратно в лес зимних пальто. Полоса света из-за двери потемнела, когда посетитель шагнул ближе. Он стоял к шкафу спиной, но Яэль смогла разглядеть, что он был высоким, худым, сильным, а его мышцы были видны даже под объемной курткой. Он стоял как борец – ногами врозь. Даже поймай она его врасплох, она сомневалась, что сможет одолеть его и Адель.

Не тихо. Не без следов крови.

Кроме того, если этот неизвестный юноша пропадет (последний раз его видели в компании Адель Вольф), власти насторожатся. Такое было непозволительно для этой миссии.

– Черт, это больно! – Адель зашипела, дуя на обожженные пальцы.

– Из чего я делаю вывод, – юноша подошел к холодильнику и вытащил горсть льда, – Германия сотворила чудеса с твоим словарным запасом.

Проклятия Адель утихли. Она осторожно приняла лед, как будто ожидала, что юноша нанесет ей удар в любой момент.

– Мы оба знаем, что ты проделал весь этот путь сюда вовсе не за тем, чтобы критиковать мои манеры.

Юноша ничего не ответил. Его плечи странно напряглись, как будто это он ожидал от нее удара.

– Выкладывай, – вздохнула Адель.

– Ты не можешь участвовать в гонке завтра, – ответил юноша.

Взгляд Адель мог резать сталь. Она скрестила руки и стиснула зубы. Травмированный кулак плотно сжал кубики льда. – Почему?

– Я могу придумать около тысячи причин: умышленное выведение из строя мотоцикла, обезвоживание, слишком быстрая езда, переход через полноводную реку… Лука Лёве.

Челюсти девушки, как и кулак, сжались еще сильнее. Растаявший лед просочился сквозь пальцы, как слезы.

– А ради чего? – голос юноши звучал также жарко, как чайник. Шипели слоги. Кипели согласные. – Еще одного Железного креста? Большей известности на «Рейхссендере»? Больших денег?

– Я отправила большую часть своего выигрыша во Франкфурт. Тебе это известно.

– Нам не нужны твои деньги, Ада. Нам нужна ты. Пожалуйста. Настало время вернуться домой.

Домой. Яэль поняла, что это был не просто какой-то юноша. Это был брат Адель. Ее брат-близнец. Ну конечно. У него были такие же шелковистые, блондинистые волосы, как и у девушки, которая сжимала в кулаке лед. Были и другие общие черты: поза, одинаково сжатые кулаки.

Адель покачала головой и плотно скрестила руки.

– Нам почти восемнадцать, Феликс. Худшее, что может случиться с тобой, это призыв в армию механиком в одно из поселений Лебенсраума. Но меня выдадут замуж или отправят в Лебенсборн[5 - Лебенсборн (нем. Lebensborn) – созданная в 1935 г. по личному указанию Генриха Гиммлера организация для подготовки молодых, расово-чистых матерей и воспитания арийских младенцев.]. – Кулак Адель сжался еще сильнее, когда она говорила о программах селекции. Кубик льда, который она держала, выскользнул из рук и закрутился на плитках и досках пола. Успокоился он у двери шкафа. – Эта гонка – мой последний шанс избежать такой участи. Чтобы доказать, что я могу служить Рейху, также хорошо, как и любой мужчина.

– Я думал, это то, что ты делала в прошлом году, – сказал Феликс.

Губы Адель Вольф дернулись: «Одной победы недостаточно. Я не могу быть также хороша, как мужчины. Я должна быть лучше них. Ни один гонщик прежде не получал два Железных Креста».

Не от недостатка усердия, насколько знала Яэль. Двойной крест был недостижим, что заставляло участников от обеих империй истекать слюной от него.

С годами Гонка Оси – официальное празднование продолжающегося союза Оси – скатилась до того, что Райнигер называл соревнованием «кто круче». Партнерство Третьего рейха и Великой Восточно-Азиатской сферы взаимного процветания было шатким, с каждым годом понемногу разрушающимся. Они

были очень далеки от полномасштабной войны, но напряженность возникала каждый раз через гонщиков и их победу.

Выиграй одну гонку в честь Рейха, и ты получишь наличные, славу, назначение в Лебенсраум по собственному выбору. Выиграй вторую, и сам фюрер будет у тебя в долгу. Весь известный нам мир был твоим.

– Лука Лёве и Цуда Кацуо будут бороться за эту же привилегию, – напомнил Адель брат. – Это и для них последний год гонки. Они будут жаждать крови, и именно на твое горло они нацелятся.

Адель ничего не ответила: она так плотно сжала губы, что они побелели.

– Как ты можешь так поступать с папой и мамой? После того, что случилось с Мартином…

Мартин. Второй брат. Тот, который сломал шею на Нюрбургрингском треке в двенадцатый день рождения близнецов. Предполагалось, что они вернутся домой с гонки и съедят торт. Вместо этого они отправились в морг.

Все эти воспоминания играли на лице Адель: уродливые теневые куклы. Белизна ее губ распространилась на щеки. Гнев прошел красным: «Это не то же самое».

Пальцы Феликса в тревоге переплелись за спиной:

– Ты права, – ответил он ей. – То, что ты делаешь, гораздо опаснее.

Судороги начали ползти вверх по бедрам Яэль. Она передвинулась как можно более бесшумно и подумала о Каспере в грузовике-прачечной, смотрящем в окно. Ожидающем.

– Другие гонщики грязно играют, но и я делаю подобное. – Руки Адель были скрещены, когда она говорила. – Я знаю, на что иду. Кроме того, сам фюрер дал мне особое благословение на гонку. Он даже прислал мне телеграмму, в которой сообщил, что будет болеть за меня.

Феликс повернул голову так медленно, что Яэль смогла увидеть юношу в профиль. Его черты лица были напряженными и полны тревоги, как и у сестры. Точь-в-точь, как у сестры. Не считая его чуть более выраженной линии подбородка, трех ее веснушек и нескольких сантиметров разницы в росте, брат и сестра были почти идентичны.

– Я всегда терпел; я всегда хранил твой секрет, всегда позволял тебе соревноваться под моим именем, – напомнил ей Феликс. – Ты знаешь, что я не просил бы тебя не участвовать в гонке, если бы именно это не имел в виду. Поверь мне, Ада. Пожалуйста.

Адель Вольф молчала так долго, что Яэль начала опасаться, что та может сказать да. (И что тогда? Вывалиться из шкафа и сказать «Бу»? Похитить их обоих?)

Но Адель заговорила. Ее слова были медленными, определенными: «В этот раз я принимаю участие в гонке под своим именем».

Кулаки Феликса сжались крепче, послышался хруст костяшек. Пять щелчков для правой руки, пять – для левой. Эти звуки заставили Адель нахмуриться: «Возвращайся во Франкфурт, Феликс».

– Только с тобой.

Кажется, упрямства в семье Вольф было с избытком. Яэль там будет самое место.

Адель покачала головой: «Завтра я приму участие в гонке, и ты не сможешь меня остановить».

Если бы близнецы были баранами, они бы столкнулись головами, сцепив рога. Вместо этого они просто стояли, занятые невидимой битвой характеров. Она была молчаливой: вся борьба была в их глазах и их истории.

Победитель определился. Победоносная Адель Вольф прочистила горло и заговорила: «Почти комендантский час. Ты должен идти».

Феликс опустил руку в карман своей куртки и достал карманные часы. Это была дешевая, щербатая вещь, издавшая жестяной звук, как он их открыл. Время было верным: почти комендантский час. Он вышел из своей стойки бойца и отступил к двери. Адель последовала за ним – и оба пропали из тонкого поля зрения Яэль. Единственное, на что ей оставалось смотреть, – тающий кубик льда.

Дверь открылась и закрылась со щелчком. Прощание близнецов, если таковое и было, было безмолвным. Квартира погрузилась в тишину и одновременно исчез кубик льда.

Наконец, шаги Адель заскрипели в комнате. Со стоном ожило телевидение. Знакомые звуки «Рейхссендера» поплыли по квартире.

«А сейчас мы присоединимся к нашему любимому и почитаемому фюреру в преддверии Гонки Оси в спецвыпуске «Разговора с Канцелярией», – гудел ничем не примечательный мужской голос.

Было такое чувство, будто муравьи маршировали вверх и вниз по рукам Яэль. Хенрика любила телевидение, оно часами оставалось включенным, освещая ее кабинетик в вечерние часы пропагандистскими новостями со всех территорий Оси и постановочными программами о совершенных арийских семьях. Но даже Хенрика не могла переварить «Разговор с Канцелярией».

Фюрер был известен своими выступлениями. Его голос превращал слова в нечто живое и дышащее, что заползало под кожу и разжигало огонь даже внутри скучнейших умов. Много лет назад – до Великой Победы, прежде чем война растянула свою длинную тень над миром – он говорил везде. Пабы. Театры. Эстрада. Позволяя своим ярко-красным словам омывать целую нацию.

Больше он не появлялся на публике. Ему это было и не нужно, ведь его слова можно было передавать через провода и громкоговорители из комфорта его собственной Канцелярии. После сорока девяти покушений фюрер почти не перешагивал порога своего приюта отшельника.

Из этого правила было два исключения. Начало Гонки Оси. И финал.

– Десять. Это, мои соотечественники, количество лет, которое мы прожили в стране мира. Мира чистоты. Арийская раса распространилась на дарованной ей богом территории. Мы приручили дебри стран Востока и Африки, очистили от скверны порченных рас расщелины нашего собственного континента.

Слова из уст монстра. Устаревшие, но все еще дьявольски алые, опьяняющие массы как крепкое вино. Они разгорячили Яэль, сделали ее раздраженной и готовой.

Время настало. Сейчас или никогда.

Яэль вытащила из куртки свой пистолет «Вальтер П-38», щелкнула предохранителем и вышла из шкафа.

Адель стояла перед телевизором, наблюдая за стариком по ту сторону экрана – его серебристые усы дрожали, когда он выплевывал слова, слова, еще больше слов: «Гонка Оси является, как мы помним, нашей Великой победой. Мы видим энергию и стойкость нашей расы в наших ценных молодых гонщиках. Мы наблюдаем за их путешествием по завоеванным и очищенным нами землям. Мы – зрители собственного прогресса».

Прогресс. Яэль успокоила руку с пистолетом. Она загнала гнев обратно. Глубоко, глубоко в свои кости, где он и должен оставаться.

Адель все еще не оборачивалась. Слова Гитлера были слишком громкими, слишком обволакивали ее, чтобы она заметила опасность. Яэль кралась – ближе, ближе.

Неплотно уложенный паркет выдал ее, издав шум, как только Яэль ступила на него. Победоносная Адель Вольф резко развернулась и встретилась с ней лицом к лицу.

Хотя у нее по-прежнему были лицо и фигура Мины, Яэль почувствовала, будто смотрит в зеркало. Все было так знакомо. Платиновые волосы, недостаточно длинные, чтобы откинуть их и завязать в конский хвост. Брови, настолько светлые, что были почти невидимыми – в дополнение к ледяным голубым глазам. Черты лица, принадлежащие королеве викингов.

Они смотрели друг на друга долгую, неподвижную секунду. Между ними – пистолет.

– Сядь на диван, – пистолет Яэль промелькнул в свете лампы, когда она махнула им в сторону темно-красной обивки. Она опустила свободную руку в карман, где таблетки успокоительного уместились между куклой и кнопкой. – Сейчас!

Взгляд Адель не был бегающим или испуганным. Просто… настороженным. Глаза не отрывались от Яэль, пока она обходила журнальный столик, пробираясь через горы разбросанной одежды. Дойдя до дивана, она встала. Ее поза была такой же, как у брата. Размашистая, готовая к борьбе.

– Я не хочу навредить тебе. – Несмотря на то, что слова были правдой, Яэль пожалела о них, как только они вырвались у нее изо рта. Из-за них она выглядела слабой, потерявшей контроль.

Такой, какой она не может быть. Отказывалась быть.

– Сидеть, – снова пролаяла Яэль.

Движения девушки были молниеносно быстрыми. Она схватила полупустую кружку кофе, швырнула ее в лицо Яэль и бросилась вперед.

Жидкость была холодной, безвредной. Но не кружка. Она задела челюсть Яэль и разбилась вдребезги о дальнюю стену. Пятьдесят девять килограмм толчков и пинков врезались ей в грудь. Отправили ее мир в полет.

Пистолет упал на пол. Адель нырнула за ним голодными руками. Яэль бросилась на противницу ногами вперед. Они, казалось, могли двигаться отдельно от нее, ведомые часами и часами боевой подготовки Влада. Все наполненные болью, потом и кровью годы вылились в этот единственный удар в полусогнутое запястье Адель.

Крик девушки превратился в нечто дикое, когда локоть Адель встретился с грудной клеткой Яэль. Боль запела у нее под кожей – свежая и по-зимнему яркая. Яэль не кричала. Она собрала боль, использовала ее энергию и нанесла ответный удар.

Тело Адель вытянулось вдоль турецкого ковра, пальцы потянулись за П-38. Яэль бросилась к ее руке, вонзая ногти Мины глубоко в запястье Адель, пока не почувствовала, как ускоряется кровь, льющаяся из раны. Она схватила пистолет, направляя его прямо в лоб Победоносной Вольф быстрым натренированным движением.

Все стихло. Умолкло, за исключением их шипящего дыхания и льющейся шелком лжи фюрера из телевизора: «Наши гонщики чисты. Наши гонщики сильны. Они – следующее поколение, которое принесет свет на еще темные континенты мира».

Адель не умоляла. Ее глаза были ледяными щелками. Она смотрела мимо пистолета, прямо на Яэль: «Кто ты?»

Не «Что вы хотите?» или «Что вы здесь делаете?»

– Кто Ты? Кто? Кто? Кто?

Почему, из всех вопросов, именно этот?

Яэль не ответила. Она плотно сжала пистолет и быстрым, резким движением опустила его на череп Победоносной Вольф.

Глава 5

Сейчас. 9 марта 1956 года. Германия, третий рейх

Ночное небо Германии не было темным. Не таким, как в горах, где можно смотреть вверх сквозь пелену жалящего снега и ощущать падение. Падение в бесконечную пустоту черноты и звёзд.

У этой ночи не было черноты, когда Яэль стояла у окна Адель Вольф – просто смесь оранжевого и серого, и почти гололедица. Огни бури. Отражение Адель висело в стекле перед ней. Смотрело на Яэль с той же жестокостью, что и

настоящая Победосносная Вольф.

Кто ты?

Однажды, только один раз, Хенрика долго думала, прежде чем спросить Яэль, как она выглядела на самом деле. До игл доктора Гайера. До пожара, осветления и пластичности кожи. До многих десятков лиц других девушек. («Держу пари, у тебя были самые красивые темные волосы, – сказала она. – Ты похожа на девушку, у которой могли быть кудри. Длинные, великолепные кудри.) Яэль открыла рот, чтобы ответить и, начав говорить, поняла, что не помнит.

Она не помнит.

Она не помнит.

Какой человек забывает свое собственное лицо?

(Все в порядке, – сказала ей тогда Хенрика – Важно то, что внутри.)

Но что у нее внутри? Агрессивный коктейль химических веществ. Что-то, чему она полностью не доверяла. (Разве что-то хорошее могло выйти из тех игл?) Цепные реакции в теле Яэль, которые она пыталась исследовать, постичь, понять. Но ничто в томах по биологии и органической химии Хенрики не могло объяснить пластичности ее кожи.

Что бы ни таилось в Яэль, оно было новым. Революционным.

Небо ярко горело, облака прорезали молнии. Вспышка стерла лицо Адель. Стерла ее. Все, что могла видеть Яэль, – шторм, бушевавший чернотой над квартирами Германии, и силуэт Зала Народа, величественного здания, возведенного Гитлером после Великой Победы Оси. (Его купол, высотой в 290 метров, был единственным, что видел блуждающий взгляд, если смотреть на горизонт Германии). Она гадала, сохранится ли такая погода и завтра. Будет ли старт Гонки Оси полон промокших репортеров, великолепия и пышности.

Капли мокрого снега ударили по стеклу, как бы отвечая на ее вопрос.

Яэль плотно закрыла окно шторой и повернулась к кровати. Она отлично провела уборку. Каспер поспешил забрать Победоносную Вольф в бессознательном состоянии, засунул ее в прачечный мешок и отнес в грузовик, вернулся в подвал пивной Хенрики, где Адель будут держать до окончания Гонки Оси.

От пятен избавиться было труднее, чем от девушки. Только когда реальную Адель увезли прочь и Яэль осталась одна в ее квартире, она поняла, сколько крови пролили ее ногти. Достаточно, чтобы заметить с порога. Даже при помощи полотенец, порошков и половой щетки у нее ушло больше часа, чтобы скрыть пятна.

Но теперь все было готово. Она надела кожу Адель, говорила голосом Адель, спала в постели Адель.

Яэль села на матрас, закатала левый рукав и размотала марлю, где волчья стая бежала по ее коже. Волк Влада по-прежнему был кровоточащим и распухшим. Слишком болезненным на ощупь.

Она мягко обвела других пальцем, позволяя слогам их имен задержаться на кончике своего языка: «Бабушка, мама, Мириам…»

Те, которых поглотил пепел.

«Аарон-Клаус, Влад», – Яэль сглотнула. Пять волков. Четыре воспоминания и одно напоминание.

Ее потеря была гораздо больше, чем…, но «четыре + один» было числом, которое она могла запомнить. Числом, с которым она могла справиться, не позволяя его огромности разорвать ее на куски, подобно зазубренным клешням краба, убирающего мусор смерти со дна океана. Иногда (как правило) на подпитку скорби не оставалось ничего. Яэль была скелетом чистого листа. Вешалкой для одежды из красивой кожи.

Кто ты? (Внутри?)

Именно за ответ на этот вопрос Яэль была вынуждена бороться. Ее отражение было вовсе не таким. Это было расколотое зеркало. Что-то, что ей приходилось собирать по кусочкам, снова и снова. Воспоминание за воспоминанием. Потерю за потерей. Волка за волком.

Было легко притворяться, даже слишком. Заполнять пустоту внутри жизнями других. Бернис Фогт. Мина Ягер. Адель Вольф. Девушки, которым никогда не приходилось сталкиваться с дымом или смотреть, как шприц скользит им под кожу. Девушки, которым никогда не приходилось смотреть в глаза ангелу Смерти. Снова и снова, и снова.

Было так просто потеряться.

Именно поэтому каждую ночь, прежде чем уснуть, она закатывала рукав, очерчивала волков и называла их имена. Потому что где-то там – в тех фрагментах ушедших душ и воспоминаний – была Яэль.

Не химические вещества, но сама суть. Настоящая Яэль.

Она уже потеряла свое лицо. Она не может допустить, чтобы и остальные части ее самой (не важно, насколько темные или сломанные) ускользнули. Поэтому она очерчивала и называла. Она тосковала, и она злилась.

Она помнила.

Тогда. Первый волк: бабушка. Осень 1944 года

Бабушка была самым старым другом Яэль. Старше, чем большинство женщин, которые спали в Бараке № 7. Ее волосы были седыми, и глубокие линии залегли в уголках ее глаз. («Гусиные лапки» – так она называла их на своем тяжелом, рубящем языке.)

Мама Яэль говорила, что она была чудом. Одних ее морщин должно было хватить для охранников, чтобы отсортировать ее в ряд «слишком слабых». Однако они позволили ей пройти через ворота. Они позволили ей жить.

Она была старой, но сильной. Каждое утро в жестоком предрассветном холоде, Бабушка вставала вместе с другими. Она засовывала ноги в деревянные клоги, ходила на утреннюю перекличку, где часами непрерывно стояла под прожекторами и звездами. Затем следовала за другими в зал сортировки. Там через ее пальцы проходило много вещей: золотые кольца, закопченные платья, сапоги, от которых не будет волдырей. Вещи мертвых (или которые вскоре станут таковыми) были навалены горами и перетаскивались женщинами Барака № 7, чтобы их потом разграбила жадность соро?к из СС.

После долгого дня, утомляющей трудной дороги назад (под более свирепыми лампами, черствой луной), супа из сухих овощей и тухлого мяса, бабушка сидела в углу своих нар. Эти коричневые глаза были сухими и остекленевшими, но она всегда улыбалась, когда ловила на себе взгляд Яэль. Казалось, все ее зубы были разного цвета. Они хранили серость теней, черноту ночи. Очень немногие были пожелтевшего белого цвета. Они напоминали Яэль клавиши старого фортепиано.

– Волчица, – шепнула она прозвище Яэль на русском языке, – упрямое, яростное слово для упрямой, яростной девушки – и махнула рукой. – У меня есть что-то для тебя. Подойди.

Яэль пробиралась между тел своих сокамерниц (ее мать, девочка постарше, Мириам, и три другие женщины, которые никогда не разговаривали с ней). Солома из матрасов скребла ей ноги, когда она скользнула на пол.

Бабушкины нары были переполнены. Яэль взобралась через нагромождение костлявых, чернильных конечностей и обритых голов. У бедра бабушки был небольшой клочок матраса. Достаточный, чтобы она на нем уместилась.

Пожилая женщина улыбнулась и опустила руку в тонкую ткань своего платья. Магия или чудо – каким-то образом ее пальцы вернулись, держа кусок хлеба. Крошащегося так сильно, что края корочки врезались Яэль в десна, но хлеба. Чего-то, что заставит ее забыть тупой голод, грызущий ее изнутри.

– Ешь, – командовала бабушка.

Глаза Яэль виновато метнулись наискосок, где спали Мириам и ее мать. Как бы то ни было, она набила еду в рот, еще немного мучных унций прилипших к ее воробьиным косточкам.

– Ты сегодня видела доктора?

Рот у Яэль был полон. Она покачала головой.

Пожилая женщина вздохнула: «Ты – счастливица, волчица. Большинство детей, которые уходят в его кабинет, больше не возвращаются».

Острый кусок корки попал Яэль в горло. Она подумала об инструментах на серебряном подносе доктора Гайера. Не об иглах, а о более жестоких. Широкие ножи и скальпели – инструменты, которые он никогда не использовал на ней.

Ангел другого рода.

– Он, должно быть думает, что ты особенная, – продолжала бабушка. – Он хранит тебя. Не обращает на тебя внимания.

– Я ненавижу его. – Яэль проглотила последнюю крошку. Ее последняя инъекция была больше одного дня назад, но ее рука по-прежнему чувствовала огонь. Так много жара и боли в таком маленьком теле. Она собрала их все и вытолкнула наверх словами. – Я хочу, чтобы дым его съел.

Бабушка не велела ей замолчать, как это делала мать Яэль всякий раз, когда она говорила такое. Вместо этого ее глаза были печальными и понимающими. Наполненными собственными монстрами из дыма.

– Я сделала для тебя кое-что. – Солома под бабушкой зашуршала, пока та выуживала что-то внутри матраса. Что-то покачивающееся в мозолистой, ущелистой коже ее рук напомнило Яэль деформированное яйцо. Грубая линия опоясывала ее по центру. – Это кукла матрешка.

Старая женщина положила ее в руки Яэль. При ближайшем рассмотрении, она увидела, что у куклы было начерченное шилом лицо, бесцветные глаза и нацарапанная улыбка.

– Открой.

Яэль повиновалась. Древесина раскололась, как ореховая скорлупа. Что-то вывалилось. Еще одна кукла. Поменьше. И у нее тоже была трещина чуть ниже центра.

Еще одна кукла. И еще одна. Каждая следующая меньшего размера. Каждая с другим лицом. Улыбка полумесяцем, ухмылка пастушка. Глаза одновременно раскосые и широкие. Когда Яэль дошла до конца, было так много частей. Верхние и нижние половинки свалились в кучу на ее голых ногах, как крошечные деревянные чашки.

Пальцы Яэль сжали последнюю матрешку размером с горошину. Девочка не пыталась догадаться, как же старая женщина ее вырезала.

Магия или чудо? Чем это ни было, бабушка была этим полна.

– Мой муж был столяром. До всего, – объяснила старуха. – Обычно он вырезал их для наших детей. Они всегда любили кукол. Такие яркие, счастливые штуки. Полные цвета – так много цветов. Рубиновый, травянисто-зеленый. Голубой, столь глубокий, что, кажется, ты смотришь на небо. Желтый, как сливочное масло. Или солнце.

Яэль знала красный. Красный был цветом мокрых пятен на этаже доктора Гайера. Цвет повязок охранников.

Яэль было трудно представить другие оттенки. На территории обнесенного колючей проволокой лагеря не было травы. Иногда в трещинах кирпичей в спальных блоках прорастали сорняки. Но обычно они покрывались пеплом и увядали в быстрой, серой смерти. И синий – это был цвет, который доктор хотел придать ее глазам. Причина, по которой он втыкал иглу за иглой в ее кожу.

Она полагала, что, когда была младше – до грязной серости лагеря, поезда, гетто – то видела все эти оттенки. Но эти воспоминания были похожи на фотографии: редкие, размытые по краям, черно-белые.

Цвета отобрали. Вымыли.

Бабушка выхватила деревянную кроху размером с горошину из ладони Яэль и начала собирать воедино куклы. Они поглощали друг друга со щелчком. Яэль с широко открытыми глазами наблюдала, как части вновь становились целым.

– Вот, – сказала бабушка сказала после финального щелчка. – Малышка осталась в безопасности.

– Это мне? Можно оставить?

Старая женщина кивнула.

– Почему мне? – Яэль украдкой еще раз взглянула на Мириам, такую спокойную во сне. Она схватила и прижала куклу-в-кукле к своей груди, осторожно дыша на узорчатое дерево. Она знала, что должна поделиться, но ее сердце все еще сжималось от тяжести.

– Доктор прав. Ты особенная, волчица. – Она произнесла это знающим голосом. – Ты изменишь всё.

Яэль сжала куклы еще крепче и удивилась, почему слова старой женщины прозвучали настолько убедительно, так уверенно. Наполненными магией, чудом. Яэль знала, что она другая. Инъекции доктора Гайера уже отделили ее. Покрытая пятнами, шелушащаяся кожа растягивалась на костях Яэль, похожих на зубочистки. Ее по-мальчишески короткие волосы не могли решить, какого же они были цвета (одни топорщились светлыми, другие темными). Даже глаза Яэль были перемешаны как у дворняжки – один, почти светящийся, ярче другого – и так далеки от неизменно карих ее матери.

Другая, да. Но особенная?

– А сейчас брысь на свою кровать, – цыкнула бабушка и махнула рукой над свалившимися и давно ослабевшими соседками по койке. – Завтра не простит.

На следующий день Яэль вспомнит эти слова – последние, зловещие слова – после переклички, когда будет наблюдать, как остальные выходят через трещины в уставших казарменных дверях. Они шли, как всегда: растянувшись вереницей, как скучные бусины на нитке, деревянные башмаки хрустели по

грудам щебня и льда.

Завтра не простит.

Яэль не закрывала глаз, наблюдая, как ее старая подруга свалилась в грязь и снег. Обоими глазами (светлым и темным) она наблюдала, как бабушка упала. Это было странное падение, больше похожее на становление на колени: легкое, добровольное.

Больше она не встала. Даже когда охранник кричал и пинал ее ногами. Другие женщины продолжили волочить ногами, никто не осмелился оглянуться назад. Яэль чувствовала, как в груди растет крепкий узел, как будто к ней по-прежнему была прижата матрешка.

Закончив с пинками, охранник посмотрел вверх. Встретил ее странный взгляд. Его глаза были тускло-серыми – как зимний горизонт. Он выглядел так, как будто это он умер. А не груда ткани и кожи, столь неподвижная у его ног.

Охранник поплелся к двери барака, его рука сжимала ремень винтовки.

– Почему ты не с остальными? – пролаял он.

У Яэль слишком пересохло во рту, чтобы рассказать ему, что доктор Гайер запретил ей работать в сортировочной. На случай, если дополнительный стресс повредит какой бы то ни было химической реакции, которую он пытался выманить из ее тела.

Она не могла говорить, в отличие от своих инстинктов. Они кричали внутри нее – как громко лязгающее железо – как всегда, когда приближалась опасность: «Х УКАЗЫВАЕТ НА ВЫЖИВШЕГО ПОКАЖИ ЕМУ ПОКАЖИ ЕМУ…»

Яэль показала ему руку.

– 121358.Х? – Он читал цифры вслух. – Зверушка Гайера. Должен был догадаться по твоему виду.

Охранник сплюнул.

«НЕ ДВИГАЙСЯ, ОН МОЖЕТ УДАРИТЬ»

Оперевшись спиной на дверь, Яэль напряглась в ожидании того, что будет дальше. Она чувствовала каждую деревянную щепку, впившуюся ей в ребра, позвоночник. Она смотрела, как над косыми крышами бойни извергается дым, заслоняющий солнце.

Но охранник не ударил и не толкнул ее. Он не схватил ее за шиворот и не потащил ее в одно из тех кирпичных зданий, из которых никто не возвращался. Вместо этого его рука соскользнула с ремня винтовки: «Доктор встретится с тобой сейчас. Иди за мной».

Яэль быстрыми шагами последовала за ним. Прочь от того-что-когда-то-было-бабушкой, от голодного черного дыма.

Но кое-что нельзя было оставить позади. Волшебные, чудесные слова ее подруги постоянно звучали у нее в ушах. Свернувшиеся в узел у нее в груди. Горящие в ее венах.

Ты особенная.

Ты изменишь всё.

Когда она вернулась, с дурной смесью доктора Гайера, бушевавшей под кожей, тело бабушки исчезло. Но кукла все еще была там, благополучно расположенная в соломе ее матраса. Когда все остальные уснули, Яэль вытащила ее и прижала к груди. На всю ночь.

И каждой темной ночью в будущем.

Глава 6

Сейчас. 10 марта, 1956. Олимпийский стадион. Германия, третий рейх. 0-ой километр

Стадион был заполнен и ревел. Крики ста тысяч сливались, чтобы заглушить сначала утренний мокрый снег, а теперь полуденный дождь. Яэль стояла в центре всего, ее сердце энергично плясало в темпе волнения толпы. Капли скатывались по ее костюму из переработанной кожи, собирались в нарукавнике. Алая ткань разбухла, как тяжелая от крови повязка. Она начала долгое, медленное скольжение вниз по рукаву Яэль.

Она не потрудилась его поправить.

Толпа тоже вымокла, но ее горячие аплодисменты изливались на Яэль и других гонщиков. Они стояли в прямой линии. Двадцать лиц – немецких и японских, в возрасте от тринадцати до семнадцати, главным образом мужских – поднялись наверх в шторм, к ложе фюрера.

Человек, создавший этот мир, был едва виден. Силуэт, прорезавшийся за покрытым бурей стеклом. Яэль в упор уставилась на фигуру. Пальцы на ногах щелкали, чернота поднималась, ненависть пожирала вены, как аккумуляторная кислота.

Половина поля травы, трека, и сидений. Сантиметр стекла. Это было единственным, что отделяло фюрера от Яэль (и клинка, скрытого у нее в сапоге – оружие было запрещено на Гонке Оси, но каждый проносил его из-за остальных). Но добраться до верха было невозможно. Если бы способ был, то Райнигер его бы нашел. Он часами сидел, сгорбившись над списками дежурств и чертежами, пытаясь найти трещины в броне спецгруппы СС для охраны фюрера. Она провела почти столько же времени, помогая ему: клала локти на заворачивающиеся края тонкой бумаги, ее шея потела, когда она наклонялась к горячей лампе.

– Почему я не могу просто одеться горничной и проникнуть в Канцелярию? – спросила она однажды после особенно обескураживающей тренировки на «Цюндаппе»[6 - Цюндапп (нем. Z?ndapp) – немецкая компания (1917–1984), специализировавшаяся на выпуске мотоциклов после окончания Первой мировой войны. (Прим. ред.)]. Ее нога ныла от долгой дороги, а сердце дрожало при мысли о еще 20 780 километрах на этой штуковине. – Разве так не было бы проще?

Райнигер на нее даже не взглянул. Он перевернул следующий чертеж: «Это должно случиться на публике. Перед камерами. С большим количеством свидетелей».

– Почему?

– Это не убийство. – Короткая борода Райнигера блестела серебром в резком, режущем свете лампы. – Это казнь. Если Гитлер умрет за стенами Канцелярии, это скроют. Представят внезапной болезнью или неудачным падением с лестницы. Кто-то другой просто займет его место. Ничего не изменится. Национал-социалисты продолжат перемалывать кости невинных людей в трудовых лагерях, чтобы прокормить свою будущую военную машину. Люди должны наблюдать, когда фюрер будет умирать. Они должны знать, что Сопротивление существует. Они должны знать, что не одиноки.

Не одиноки. Жестокая ирония, что ее избрали для доставки этого сообщения. Ее, самую одинокую из всех. Девушку без народа. Без лица. Девушку, которая была никем. Которая могла быть любой.

Но она знала, что Райнигер прав. Не будет переодеваний в горничную. Ни цианида, подмешанного в хрустальный стакан с минеральной водой. Смерть фюрера должна быть громкой, кричащей. Кровавой трансляцией на «Рейхссендере».

– А как насчет «Разговора с Канцелярией»? – не отступала она. (Нога начинала действительно сильно болеть). – Там есть камеры.

– Это предварительная запись. Они никогда не выходят в эфир. – Он махнул рукой. – Нужно, чтобы это была прямая трансляция. Его смерть – сигнал, которого будут ждать все ячейки Сопротивления. В момент, когда ты нанесешь удар, мы мобилизуемся.

Это – победа в Гонке Оси, посещение Бала Победителя в Токио – был единственный способ.

От дождя зрение Яэль размылось, когда она смотрела на ложу. Очертания фюрера растаяли, стали неотличимы от стекла. Все, что она могла видеть, – цвета флагов Оси, перевешенных через балкон. Восходящее солнце императора

Хирохито, красное и белое. Свастика Гитлера напряженно таращилась на шторм немигающим глазом.

– Добро пожаловать! – Мужской голос разнесся над стадионом. Приветствия толпы стихли до гомона, а затем и тишины. Воздух, шипящий от включенных микрофонов. Умиротворение дождя.

– Наши высокоуважаемый фюрер и император Хирохито приветствуют вас на десятой Гонке Оси. Десять лучших молодых людей Отечества были отобраны из наших самых строгих программ профессиональной подготовки. Они будут соревноваться в гонке вместе с десяткой сильнейших из Японии. Эти гонщики выдержат испытание песками пустынь Африки, зубчатыми вершинами полуострова Индостан, запутанными джунглями Азии, волнами Тихого океана. Выживут только самые стойкие и самые чистые. Только сильнейший победит.

Больше аплодисментов. Больше дождя. Медаль прошлой победы Адель тяжело висела на шее Яэль. Она стояла прямо, не отрывая взгляда от свастики на флаге Рейха.

– Принимать участие в гонке в честь Отечества будет Победоносная Адель Вольф.

Яэль шагнула вперед. Она скуласто улыбнулась, как всегда делала Адель в кинохрониках, ее правая рука вскинулась вверх в автоматическом «Хайль Гитлер!». Кончики ее пальцев указывали на ложу.

Голос продолжил, потрескивая над ревом толпы: «Победоносный Лука Лёве».

Высокая, мощная фигура присоединилась к Яэль с левой стороны, его рука рванулась в прямом как доска «Хайль Гитлер!» Он стоял отдельно от других гонщиков еще до того, как вышел. Его куртка была коричневой, тогда как у всех остальных были черные, и потрепанной, хотя у всех были новые. Это была та самая куртка, которую он носил в двух последних Гонках Оси. Его отличительный наряд.

Лука Лёве. Юноша в коричневой куртке. Ее самая большая угроза в состязании. Яэль провела больше нескольких недель, раздумывая над его делом. Копии школьных записей, его свидетельство о рождении, его тетрадь достижений в

Гитлерюгенде, полная история времен гонок, генеалогия, стенограммы его многочисленных интервью «Рейхссендеру». Жизнь Луки Лёве нанесенная чернилами на бумагу и в ее память.

Имя: Лука Вотан Лёве

Возраст: 17 лет

Рост: 185 см

Вес: 92 кг

Биография: Родился в Гамбурге, Германия, в семье Курта и Нины Лёве. Его отец служил в элитных мотоциклетных войсках Рейха, Краудшутцен. Лука вступил в Гитлерюгенд в возрасте десяти лет и направил всю свою страсть на изучение всего возможного о мотоциклах. Он принимал участие в Гонке Оси последние четыре года, которую выиграл один раз в возрасте четырнадцати лет. Он является самым молодым победителем в истории гонки.

Плечо юноши было всего в нескольких сантиметрах. Хотя они не касались друг друга, Яэль смогла почувствовать напряженные мышцы Луки. Его дыхание создавало такое же впечатление: натянутое, готовое к схватке.

– Победоносный Лёве, – пробормотала она краешком губ.

Лука не повернулся, но она почувствовала, как его взгляд все же упал на нее: «Фройляйн».

Фройляйн. Это слово – его значимость – обострило собственное острое как лезвие дыхание Яэль. Ее нарукавная повязка продолжала сползать с предплечья, скользя по скрытым чернильным волкам. Остановившись у запястья. Наручники из ткани.

Были названы еще менее победные немецкие имена. Когда они шагнули вперед, их дела пронеслись в памяти Яэль. Страницы и страницы идеального детства.

Юноши, рожденные в отечестве. Все были арийцами, у большинства не было отцов (цена победы всегда высока). Лояльные члены Гитлерюгенда.

Даже их имена сочетались: Курт и Карл. Ларс и Ганс. Рольф и Ральф и Дольф. Только один выделялся: Ханс Мюллер, 15 лет. Занял пятое место в прошлогодней Гонке Оси. Его время резко улучшилось в отборочных гонках. Возможно опасный аутсайдер. Когда называли последнее имя от Рейха, Яэль слушала лишь наполовину.

– Феликс…

Яэль вздрогнула. Этого имени не было в делах гонщиков. Если только…

– …Вольф, который недавно присоединился к нашему списку из-за несчастного случая с Дирком Херманном.

На этот раз она действительно повернула голову и посмотрела на ряды украшенных дождем носов и подбородков. Феликс смотрел на нее. Он был тем самым человеком с фотографий: квадратная челюсть, бледные пряди волос, горбинка на переносице. Но на тех фото – которые Адель поставила в блестящие рамки и выставляла в своей квартире – Феликс всегда был счастлив. Всегда улыбался.

Теперь его рот был сжат, совсем как у его сестры во время их противостояния накануне вечером. Его глаза – та же смертельно-холодная синь Вольфов – прорубались сквозь дождь. В Яэль.

Только с тобой.

Так вот почему он так легко ушел накануне ночью…

Яэль отвела свой взгляд назад к мокрым влажным флагам.

Ведущий продолжал: «Принимать участие в гонке во славу имперской Японии будет Победоносный Цуда Кацуо».

Имя: Цуда Кацуо

Возраст: 17 лет

Рост: 173 см

Вес: 66 кг

Биография: Отправлен родителями в учебный лагерь за пределами Токио, когда они осознали его талант к гонкам на мотоциклах. Его способности привлекли внимание, как сверстников, так и преподавателей. Его редко видели без группы сторонников. Выиграл свою первую Гонку Оси в возрасте 15 лет. В настоящее время столкнулся с огромным давлением на родине – он должен завоевать двойной крест.

Кацуо шагнул вперед и отвесил чопорный поклон; капли дождя быстро падали на его черные как смоль волосы. Его собственный Железный крест качнулся и со слышным стуком вернулся на грудь, когда он снова выпрямился.

Кацуо. Третий и последний победитель в этой двадцатке. В свой последний год гонки, борющийся за Двойной крест и все блага, какими император Хирохито помахал перед ним, как морковкой на палочке. Он был еще одним гонщиком, за которым Яэль придется внимательно смотреть.

Еще больше имен. Еще больше интересных фактов из досье Хенрики.

Оно Рёко: 16 лет. Еще одна девушка в гонке. Стала известной на автодроме Японии после победы Адель.

Ватабе Такео: 16 лет. Занял третье место на прошлогодней Гонке Оси. Тренировался в одном лагере с Кацуо и, кажется, уступает победителю. Прячет нож хигоноками[7 - Модель складного японского ножа.] на себе и имеет репутацию протыкающего шины соперников.

Огури Ивао: 16 лет. Второй год в Гонке Оси. Имеет склонность подмешивать наркотики в еду и питье. Внимательно охраняй свои припасы. Также тренировался с Кацуо в одном лагере и, кажется, предан ему.

Ямато. Таро. Хираку. Исаму. Масару. Норио.

Большинство из них были моложе. Первогодки. Никакой угрозы.

– Гонщики, отправляйтесь к своим транспортным средствам.

«Цюндаппы» стояли в половине поля от них. Заказные байки прямиком с завода (для обеспечения качества и предотвращения любых незаконных изменений): блестящий хром, синевато-серая краска покрышек, кофры, набитые принадлежностями для ночных привалов между контрольными пунктами. Мотоцикл Яэль был припаркован впереди остальных, близко к нему стояли байки Луки и Кацуо. Преимущество для победителей. (Не более чем формальность. Несколько метров вряд ли что-то изменят, когда тебе предстоит преодолеть тысячи километров).

Луке понадобилось лишь полшага, чтобы догнать Яэль, когда она пересекала травяное поле. Она слышала, как его Железный крест колотится по груди, когда он приближался. Стук, стук, стук, стук. Непрерывный, как биение сердца. Глубокий, как барабаны войны.

– Превращаете это в семейное дело, фройляйн?

Яэль, неуверенная, как лучше ответить, сжала губы и продолжила движение. Ее сапоги оставляли шрамы из грязи в мокром поле.

– Не думай, что я забыл, – продолжал Лука, – что ты сделала.

Яэль понятия не имела, о чем говорил Лука. А должна была бы. Она так много прочла по лицу юноши.

У Адель Вольф и Луки Лёве была общая история. Та, что кинохронике так никогда и не удалось поймать. Та, которая так и не попала в разреженный шрифт записей Хенрики. И судя по голосу Луки – пронзительному взгляду – она была не из приятных.

Яэль крепче сжала губы, пошла быстрее. Как будто могла избежать его. Как будто не собиралась проехать с ним плечом к плечу через целые континенты.

Хлюп, хлюп, хлюп, хлюп. Еще один гонщик оказался рядом с ней, ковыляющий по грязи. Не Лука. Он отстал, приняв ее молчание за то, чем оно было.

– Ада… – Ломкий, как его дважды сломанный нос, голос Феликса, когда он поймал ее за локоть. – Пожалуйста, ради всего святого, забудь об этом, поезжай домой.

– Почему ты здесь? – еле слышно прошипела Яэль. Лука, Кацуо, остальные – она была готова бороться с ними. Но Феликс – Феликс был новой информацией. Несколько отчужденных абзацев в романе о прошлом Адель. Она не планировала, что он снова появится.

– Ты знаешь, почему. – Его пальцы сжались, прямо под ее повязкой. Ее волки на коже кричали под сжатой кожей куртки.

– Тогда как ты здесь оказался? – спросила она. – Ты даже не принимал участия в отборочных гонках.

– Тебе больше нечего доказывать. Ты лишь все потеряешь, – сказал Феликс, «новая информация». Феликс, который знал прошлое Адель лучше, чем могли восполнить сотни страниц. Феликс на данный момент – самое опасное лицо в этой гонке.

Яэль вырвала свой локоть. Сейчас она шла по асфальту, оставляя следы грязи в форме подошвы ее сапог. Она схватила свой шлем с сиденья, затянула ремень под подбородком, приладила очки и села на свой байк. Этот «Цюндапп» вызывал почти такие же ощущения, как КС 601, который она использовала для тренировок. Только острее, свежее, сильнее.

Двигатель мотоцикла замурлыкал, когда она оживила его ударом ноги. Во время обучения она всегда сосредотачивалась на этом звуке: он подчеркивал важность ее миссии – предстоящую дорогу. Но сегодня даже гул передач ее байка не успокаивал Яэль. Каждый взгляд на стадионе был направлен на нее. Девушка: сверкающая дождем и черной кожей ездовой одежды. Ее сапоги тяжело стояли на приводе. Нетерпеливая. Готовая.

Каждый взгляд был направлен на нее, но она чувствовала только два из них. Те, что впивались, впивались, впивались ей в спину. Раскапывая прошлое, о котором у нее не хранилось воспоминаний. Создавая дыры, которые она не могла заполнить.

Не думай, что я забыл, что ты сделала.

Тебе больше нечего доказывать. Ты лишь все потеряешь.

Она быть может и выглядела как Адель. Но она никогда не сможет быть ею. Яэль была «паутинкой-обманкой», состоящей из прорех и ниток и хрупкого ничто.

Сейчас из микрофонов лился другой голос – его голос. Тот, что поднимал армии, свергал королевства. Тот, что погрузил целый стадион в молчание. Даже капли дождя зависли в небе; воздух очистился до плеска несильного дождя.

Был только он. Голос, который она должна была заставить умолкнуть.

Она не просто родилась, чтобы это сделать. Она была создана для этого. Его иглами. Его людьми.

– Возьмите свои знаки.

Фюрер еще не знал, но он был готов подписать себе смертный приговор. (И веселился, делая это). Яэль сжала руль так крепко, что ее перчатки, казалось, разоврутся.

– Садитесь.

Девятнадцать мотоциклов за ней включили зажигание и взревели.

– Вперед!

Яэль стартовала.

Ледяной ветер царапал ее по щекам. Ее лицо было настолько онемевшим, настолько холодным, но волки горели у нее под кожей. Выли секреты. То, сокрытое, что мог узнать любой, если бы прислушался.

Феликс и Лука… у них был острый слух.

Яэль не позволит им услышать.

Глава 7

Сейчас. 10 марта, 1956. На окраине Германии. 19-й километр

Дождь продолжал идти тяжелой плотной пеленой, преследуя гонщиков на всем пути через Германию, мимо рядов промокших зрителей и вялых флагов Оси, вниз по автобану. Кулак Яэль охватил правую ручку мотоцикла. Сильнее. Быстрее, чем она вероятно должна была двигаться на такой скользкой дороге.

Но остальные за ней ехали так же быстро. Взгляд через плечо показал, что они надвигались. Лука и Кацуо рассредоточились как крылья за спиной. Их кожа и хром продирались через брызги от ее задней покрышки. И за ними – семнадцать голодных лиц.

Все из них явились за кровью, как сказал Феликс, а ее горло было первым в очереди.

Причинение преднамеренного вреда гонщикам было запрещено правилами Гонки Оси (чтобы уберечь ее от превращения в кровавую баню), но строгие

указания никогда в действительности не предотвращали вредительства.

Каждый год гонщики выбывали из борьбы из-за ножевых ранений, загадочных случаев пищевого отравления, падений в результате умышленного повреждения байка. Официальные лица обычно закрывали глаза, записывая «авария» в отчетах о происшествии. В конце концов это была гонка зубов и когтей. Только сильнейшие выживали. Выиграть мог только жестокий.

Но произошла одна история. Пять лет назад юноша был дисквалифицирован из гонки, потому что был достаточно глуп, и умудрился ударить другого гонщика перед камерой «Рехссендера». (Доказательство на кинопленке оказалось не тем, что чиновники могли замести). Любые нападения, засвидетельствованные должностными лицами или камерами «Рейхссендера», требовали возмездия. В крайних случаях – например, за ножевое ранение – злоумышленника дисквалифицировали. Однако, чаще всего гонщиков-нарушителей наказывали дополнительным часом. Такие меры никогда не останавливали злословие, просто заталкивали его вглубь, где оно таилось, скрытое до подходящего момента.

Яэль не могла позволить своей осмотрительности утихнуть.

Справа от нее – тень. Она ползла вперед до тех пор, пока Яэль не нужно было даже поворачивать голову, чтобы увидеть Луку. Он был близко. Слишком близко. Присел на своем байке, как лев, готовящийся к прыжку. Его шины пытались поравняться с ее, сдирая туман.

– Давай… по… веселимся, фройляйн! – Яэль слышала только обрывки слов Луки сквозь стремительное движение и шторм, но смысл был ясен. Его руки дернулись и его «Цюндапп» понесся к ней. Шины сжевывали ограниченное пространство между ними.

Сердце Яэль подскочило к горлу. Она почти подумала, что может почувствовать кровь на вкус, она капала железом и солью между зубов. Краем глаза она увидела, что Лука улыбается: кривая ухмылка. Он играл с ней. Просто играл.

Она не даст ему насладиться ее страхом. Она продолжила смотреть на дорогу.

Он оторвался в самый последний момент. Это был глупый трюк, сочащийся гордостью. Подпитываемый Железным крестом, все еще висевшим у него на шее. Если бы Яэль захотела, она могла бы стащить его с сиденья за рукав пиджака, бросить на асфальт автобана.

И слева от нее – еще одна тень. Приближающийся Кацуо. Этот юноша не улыбался. Уголки его губ были плотно сжаты, а вираж его байка – агрессивным.

Он, казалось, не слишком беспокоился о правилах.

Лука снова направился в ее сторону, как раз к спуску Кацуо. Движение зажимания клещами, захватившее ее между кончиками их металлических когтей. Они держали ее в плотном кольце своих мотоциклов, пахнущих жженой резиной.

Опасные, глупые, безрассудные. Не хватало слов в любом из языков Яэль, чтобы описать этот маневр. Любой поворот, любой рывок выльется в клубок из двигателей и плоти на дороге. Их гонка закончится, не успев начаться.

Яэль продолжала смотреть на белые пунктирные линии на дороге. Если она продолжит двигаться прямо, они потеряют интерес. Отстранятся.

Но затем рука Кацуо в перчатке вползла в поле зрения Яэль. Направляясь к ее запястью, рулю. Он собирался завалить ее, заставив ее байк врезаться в Луку, и вытолкнуть своих главнейших конкурентов, прежде чем они пересекут границы Германии.

Она не могла отогнать его руку. Не изменяя направления, не запутавшись сама. И Лука все еще болтался вблизи, добившись успеха в своей рисковой игре. Не обращая внимания на то, что до крушения осталось несколько секунд.

Яэль сделал единственное, что могла.

Оба тормоза влажно завизжали, когда она ударила по ним. Колеса под ней задрожали и пальцы Кацуо рвались вперед – всего в нескольких сантиметрах от хромированного блеска ее руля – вместо нее направившись к Луке.

Сапоги Яэль дернулись, когда она понизила передачу, ослабила тормоза. Ее байк снизил ход, поэтому капли дождя по щекам скорее спокойно стекали, чем жалили. Она дрожала, ее мотоцикл был забрызган грязью, но Лука и Кацуо уехали. Два затухающих шлейфа от грязи задних колес. Другие уже наступали Яэль на пятки, прорываясь по двое и по одному, предоставляя ее байку широкое пространство. Молния прорезала небо – яростно-белая – освещая всех гонщиков. Большинство были сейчас впереди нее, уходя в отрыв, как тени мелких рыбешек.

Яэль стиснула зубы. Ей придется взять себя в руки, затолкнуть поглубже шок, страх, дрожь от своей почти аварии. Нырнуть обратно в бой.

Еще один «Цюндапп» замедлил ход. Волокся рядом с ней.

Феликс даже не пытался участвовать в гонке. Его глаза смотрели на нее, обеспокоенные даже в его испещренных дождем очках: «Ты в порядке?»

– Отлично. – Она была в порядке. Она должна быть. Это был просто страх. Кисть со смертью. В свои молодые годы она уже через столь многое прошла. Это не должно беспокоить ее, она как и прежде должна держать язык за зубами. Потому что на этот раз она была хищником. А не добычей.

Больше никогда.

Пальцы Яэль еще не перестали дрожать, когда она включила зажигание и бросилась вперед. Прочь от брата Адель, обратно в гонку.

Контрольный пункт Прага. 347-й километр

Вечером небо очистилось, слои шторма растворились под умирающим солнцем. Цвет захватил западный горизонт облаками, похожими на когти. Пылающий красный, надевающий настоящую ночь на зазубренные шпили Праги.

Яэль наблюдала за концом дня через застекленные окна контрольно-пропускного пункта. Она совсем немного времени провела на байке (два часа и

сорок минут согласно официальным табло). Германия – Прага был несомненно кратчайшим этапом гонки, но дорога вымотала ее.

Холодок так глубоко поселился под кожей Яэль, что его не мог победить даже ревущий огонь очага. Перед глазами повисли полупрозрачные волосы Адель, столь же безжизненные, каким ощущал себя весь организм, после трудного прокладывания 347 километров в шторме середины марта, сражения за секунды, которых ей стоили трюки Луки и Кацуо.

Гонка была жесткой. Она всегда была такой в первые несколько дней – сжигание топлива на гладких автобанах Европы, через причудливые деревни с выстроившимися рядами Гитлерюгенд с сияющими глазами, мимо проносящихся пастбищ с коровами, довольно жующих свою жвачку.

Кацуо добрался до контрольного пункта в Праге первым. Всего в метрах и секундах раньше, чем колеса Луки заскользили по белой линии. Их имена и время теснились в верхней части табло, написанные официальным, похожим на руны почерком. Яэль вела борьбу за возвращение в середине своры. Адель Вольф была на девятом месте в списке, написанном мелом, секунды между восьмым Ямато и десятым Хансом. Феликс висел ниже нее, заняв двенадцатое место. Следующий этап Гонки (Прага – Рим) будет столь же напряженным. Исключая какие-либо неприятности с машинами, турнирная таблица не сильно изменится.

– Ты еще не дала имя своему байку?

Вялые мышцы Яэль затвердели. Ее глаза оторвались от скольжения по небу, чтобы увидеть Феликса, стоящего у очага. Свет искр блестел на его бледных волосах. В руках он держал тарелку супа.

Дать имя своему байку? О чем он говорил?

Мысленно Яэль быстро листала страницы дела с фактами. Но этого лакомого куска информации не было в романе Адель. Или Феликсе, «новой информации». Это было живое, дышащее воспоминание, которое знали только близнецы.

Дыра в «паутинке-обманке».

– Помнишь, тот твой BMW R35, который всегда шел юзом? Шок? – Уголки губ Феликса дернулись в приступе ностальгии. – Хотя моим любимым был Безжалостный. У него была лучшая скорость вращения, самый плавный переключатель передач. И не тихий, как этот.

Шок? Безжалостный? Что, черт возьми, она должна была сказать?

Но казалось, что Феликсу и не был нужен ее ответ. Он все еще говорил: «Эти «Цюндаппы» надежные. Большая мощность двигателя. Я думал назвать свой как-то вроде Тора. Или Локи?»

– Как хочешь. – Слова Яэль повисли на паучьей нити, напряженные, сердитые. Неотличимые от тона, использованного Адель накануне ночью в ее квартире.

Брат Адель вздохнул: «Слушай, я знаю, что ты не хочешь, чтобы я был здесь. Но если ты собираешься быть достаточно упрямой, чтобы пройти через это, меньшее, что я могу сделать, это убедиться, что ты не голодаешь».

При этих словах Феликс протянул свою миску, предлагая ей суп. Пар потянулся ей в лицо, покалывая ноздри богатым ароматом супа из бычьих хвостов. Гвоздика, лавровый лист и перец. Тимьян, петрушка и можжевельник. Нежные куски мяса. Рот Яэль наполнился слюной от голода, но она не сдвинулась с места, чтобы взять еду: «Знаешь, это ошибка новичка – принимать пищу от других гонщиков».

– Я не какой-то другой гонщик. Я твой брат.

Брат. Термин, который предположительно обладал определенным весом. Некий кодекс чести, которым Яэль не могла управлять. Не тогда, когда ее собственная семья уже давно стала пеплом, развеянном на ветру.

– А теперь, прекрати глупить. – Феликс запихнул в руки Яэль тарелку с супом. – Ешь. Я собираюсь достать нам воды.

Она хотела поесть. Время на дороге было слишком коротким для заправки на пит-стопах, где гонщики обычно запихивали в рот дурацкие протеиновые батончики, и прошло много часов, с тех пор как она угостилась омлетом в

квартире Адель тем утром. Глубокий, глубокий голод приблизился к Яэль как тень. Напоминая ей, что она не была полной.

Но кое-чего не было. Его тон был слишком уютным, слишком легким, по сравнению с мольбами, которые он произносил вчера вечером. Сегодня днем. Яэль поняла, что он так легко не сдался. (Но и она не сдастся.)

Она смотрела, как брат-близнец Адель кружит по глазеющему обеденному залу. Он двигался с взрывной элегантностью мимо восемнадцати остальных гонщиков, столпившихся вокруг своих блюд. Они объединились в группы вокруг дубовых столов. Как будто семидесятый меридиан сорвали с карты Хенрики и приклеили в этот зал. Немецкие лица на одной стороне. Японские на другой. Беспокойные, непростые соседи. Совсем как империи, за которые они сражались в гонке.

У большинства было напряжение на лицах. Единственное мягкое выражение лица в комнате принадлежало Рёко. Девушка сидела локоть-в-локоть с Нагао Ямато, который читал книгу поэзии. Рёко пыталась заговорить с ним несколько раз, но юноша продолжал пожимать плечами, ни разу не оторвав взгляда от страниц. В пальцах Рёко вертела свою салфетку, ее взгляд блуждал и встретился с Яэль. Выражение лица девушки – одиночество в глазах, намек на улыбку – было настолько честным, что Яэль (хотя знала, что Адель обычно хранила улыбки для камер) улыбнулась ей в ответ.

– Тебя все еще нелегко испугать, как я погляжу.

Яэль повернулась к очагу и обнаружила Луку Лёве в паре шагов от себя. Он по-прежнему носил свою фирменную куртку. Она была такой поношенной, не как у других, и она намокла. Она гадала, почему он просто не снимет ее.

– Так ты называешь ваш сегодняшний маленький трюк? Испуг?

Яэль не отрывала взгляда от юноши. Согласно одному из многочисленных кратких очерков «Рейха» лицо Победоносного было достаточно красивым, чтобы поймать в ловушку сердца десяти тысяч немецких девушек с первого взгляда. Даже Яэль пришлось признать, что юноша был привлекательным. Линии его лица были сильными, но не резкими, подчеркивая глаза цвета морского шторма. Соломенные пряди, более темные, чем остальная часть его золотых волос,

обрамляли его челюсти, как сумерки.

(Десять тысяч девушек, правда? Это, казалось, немного чересчур.)

– Просто немного веселья для придания остроты. Первый день всегда такой скучный. – Лука вздохнул. – Такой… спокойный. А ты всегда хотела немного буйства.

Комментарий был приманкой, призванный рассердить ее (Адель). Яэль отлично это видела в скривившихся губах и горделиво-расправленных плечах юноши.

Ей не пришлось искать гнев. Все, что Яэль требовалось – посмотреть на Железный крест, висящий на горле Луки. На свастику вокруг его руки. На синие радужки и светлые волосы, которые сохранили ему жизнь, когда столь многих других убили. Не важно, что она тоже носили эти тяжелые, тяжелые вещи. Этот юноша означал их всех.

Было так легко ненавидеть его.

Так легко взять жар в костях и позволить расплавленной энергии перетечь в слова: горящие, горящие, выжигающие: «Ваше идиотское вождение чуть не убило нас обоих!»

Лука просто пожал плечами: «У меня было все под контролем, но кажется, на этот раз Кацуо не в настроении играть».

Яэль оглянулась на стол Кацуо. Он был заполнен кланом его тренировочного лагеря: Такео использовал свой острый как песня складной нож, чтобы делать метки в столешнице. Ивао и Хираку кивали с религиозным пылом на все сказанное Кацуо. Победитель проигрывал заново утреннюю почти-аварию, изображая движение клещами и подражая визгу тормозов Яэль так, что заставлял своих слушателей смеяться.

Кацуо замолчал, поймав ее взгляд. Его взгляд как копье вонзился в Луку, мимо Яэль. Рассказывающий истории, призывающий к войне.

– По крайней мере, он быстр, – сказала Яэль. – Его легко просчитать.

– Ты имеешь в виду скучен. – Лука фыркнул и откинулся назад на каблуках, как если бы переключал передачи мнимого байка. – Я сполна насладился нашим танцем, фройляйн. Как и всегда.

Наш танец. О чем он говорит? Что Яэль должен была ответить? И как она должна была это сказать? Адель продолжала бы сердиться? Или она бы вообще проигнорировала юношу?

Слишком многого о Луке (да и о Феликсе, если уж на то пошло) Яэль не знала. На некоторое время на дороге, когда были она и асфальт и шипение тумана, она надеялась, что сможет избегать их. Но эта тактика явно не работала – пальцы Яэль чесались от желания добраться до списка Райнигера с закодированными адресами, спрятанном у нее в майке. Скоро, очень скоро, она собиралась посетить один из них.

– Отвали от моей сестры. – Феликс вернулся. Исчезла излишняя легкость его тона. Стаканы воды у него в руках дрожали.

Брови Луки поднялись. Они были того же темного оттенка, что и его борода, отметила Яэль. Цвет, который большинство попыталось бы осветлить: «Не нужно грубить, господин Вольф».

– Грубить? – костяшки пальцев Феликса сжались на стаканах. Яэль ждала, что появятся трещины, стекло лопнет, а руки Феликса истекут кровью. – Вы чуть не убили ее сегодня на дороге!

– Не волнуйтесь, господин Вольф. Я планирую хранить вашу сестру некоторое время. Это все же длинная гонка. Видит бог, я могу хотя бы развлечься.

Раскол произошел, но не так, как ожидала Яэль. Феликс бросил стаканы, его руки сомкнулись в кулаки. Как раз вовремя, чтобы нанести первый удар.

Это был мощный удар, с треском попавший в скулу Луке Лёве. Направляющийся к хрящу его орлиного носа. Быстро потекла кровь – кривой рубиновый след, выплескивающийся изо рта Луки, вниз по подбородку. Когда юноша согнулся от боли, что-то серебряное выскользнуло из-под рубашки, перепутываясь с Железным крестом. Его руки быстро поймали его, заправляя обратно, где Яэль не могла увидеть.

– Хороший удар для механика. – Выпрямившись, Лука по-прежнему ухмылялся. – Я прощаю вам его, господин Вольф. Но ударите меня снова, и я сокрушу вас.

Лодыжка Яэль пульсировала о клинок, вшитый внутрь ее сапога. Она смотрела, как два юноши столкнулись у камина: Феликс в боксерской позиции, Лука, глядящий исподлобья сквозь красное пятно на лице.

Воздух между ними был заряжен: дрожащий от тепла и внезапного молчания, омывшего комнату. Все смотрели, задержав дыхание, забыв про еду. Ожидая второго удара.

Он приближался. Яэль могла видеть его в биении височной вены Феликса, натянутых мышцах челюсти. Следующий удар собирался искромсать воздух между ними. Начать кровавую бойню.

Они собирались растерзать друг друга.

Юноши были даже похожи – созданные из одинаковой силы и скорости. Ни один из них не будет уклоняться от серьезной борьбы. Не достаточно хороши для гонок. Яэль хотела сесть сложа руки и позволить этому случится. Но Адель… она бы пожалела брата. Она бы это прекратила.

Яэль поставила тарелку супа на пол и подошла к брату Адель. Она обернула свою руку вокруг его дрожащей кисти: «Феликс».

Он посмотрел на нее; белые космы волос стояли дыбом. Его глаза были пронзительными, оттененными дикостью. Она могла почувствовать через его куртку, как колотится сердце Феликса. Его мышцы ритмично танцевали: страстно, сердито.

– Оставь, – сказала она. – Он этого не стоит.

Лука вздрогнул, щека дернулась, что говорило о боли. Он поднес руку к лицу, размазав кровь по щеке и куртке. Красное закапало на пол.

– Я знаю, ты хочешь защитить меня. – Хватка Яэль усилилась, когда она это произнесла. – Но это не выход.

Медленно, медленно брат Адель начал расслабляться. Необходимость доказывать исчезла из его пульса.

Кровь все еще текла у Луки из носа. Он булькал и блестел, когда Лука сказал: «Не слишком сильно доверяй своему сторожевому псу. Я видел, как он что-то подсыпал в твой суп».

– Он врет. – Голос у Феликса был ровный, но Яэль почувствовала дополнительный рывок его плечевой мышцы под пальцами. Видела, как сверкнули его зрачки из-за боязни проколов. Признаки, которые Влад тренировал Яэль искать в других и скрывать в себе.

– Может быть. Или может быть я просто не хочу увидеть, как оборвется наш танец. – Лука подмигнул – точно подмигнул – ей, и Яэль развлекалась мимолетными фантазиями самой нанести удар. – Решать тебе, фройляйн.

С этими слова Лука развернулся на каблуках и с важным видом вышел из столовой.

– Я до сих пор не понимаю, почему ты не сообщила этому дерзкому сук… – Последнее оскорбление Феликс пробормотал, вырвавшись из хватки Яэль. Разбитое стекло трещало под его ботинками. – Я пойду достану нам еще немного воды. Ты должна поесть.

Яэль посмотрела на суп. Все еще на полу, где она поставила его. Весь из бульканья, пара и приправ. Так много хороших ингредиентов пропадали впустую.

– Только если ты сперва попробуешь, – сказала она.

Феликс нахмурился: «Брось, Ада, ты же не можешь всерьез верить ему. После всего, что между вами произошло… Лука пытается забраться тебе в голову».

Всего, что произошло. Брат Адель произнес это с таким жаром. Вена на его виске снова увеличилась, змейкой исчезая в его волосах. Яэль почувствовала, что здесь было нечто большее, чем просто гнев – не просто слова, которые Лука Лёве выплюнул в комнату, но некая более глубокая история. Та же, которую она

мельком видела в лице Луки на стадионе.

Что подразумевалось под «все»? Чего не сообщила Адель? Тайны Адель и Луки снова возвращались. Затягивая еще одну петлю вокруг ее шеи.

Она должна была позволить им подраться.

– Одна ложка. – Яэль подняла палец. – Это все, что я прошу.

Феликс не отвечал. Не двигался. Краснота поползла вниз по его щекам, вокруг шеи. Черная дыра его зрачков поглотила свет от камина: большие, круглые и полные лжи.

Это было тот единственный ответ, в котором нуждалась Яэль. Она повернулась и начала идти.

– Куда ты идешь? – Позвал он Яэль – отчаянно – когда она топнула ногой, ее сапог задел край миски с супом. Куски бычьих хвостов быстро вылились, смешались со следами носового кровотечения Луки. Это выглядело… неправильно. Все это мясо и кровь. Вместе.

– Я возьму свой собственный суп, – ответила она и пошла прочь.

Глава 8

Сейчас. 10 марта, 1956. Контрольный пункт Прага

Визита на адрес в Праге не получилось. Из-за Феликса, наблюдающего за ней, – сплошные сердитый взгляд и вина из-за пролитого у камина супа. Из контрольного пункта был только один выход, и у Яэль не было никаких сомнений в том, что, попытайся она им воспользоваться, он спросит, куда она собирается и попытается остановить. Или, что еще хуже, последует за ней.

Ей нужно было обмануть его, но не здесь. Она только что спряталась, запершись в ванной. Заменив марлю на все еще кровоточащем волке Влада, Яэль села на опущенную крышку унитаза, выловила пачку адресов из майки и занялась расшифровкой и запоминанием номеров в Риме. Завтра она вырвется вперед. Перескочит с девятого места на первое, и будет ехать, ехать, ехать до тех пор, пока не достигнет Рима. Она пойдет по адресу Сопротивления, запросит материалы на Феликса и Луку и пересечет второй контрольно-пропускной пункт Гонки Оси, прежде чем появится брат Адель (или любой другой гонщик).

Во всяком случае, таков был план. Завтра будет длинный день.

Когда Яэль подняла подушку на выделенной ей общественной кровати, то нашла одинокую звезду, сложенную из листка пропаганды. Она была тщательно сделана, а ее маленький размер вызвал у нее улыбку. Было бы легко отбросить ее, но вместо этого Яэль положила ее в свой карман, а на ее место под подушкой – свой нож из сапога. Многие другие гонщики уже спали. С голым торсом, а их храп был столь же груб, как двигатели их «Цюндаппов». Чиновник по гонке сидел в углу, играя роль сопровождающего, и выглядел так, будто вот-вот уснет сам.

Яэль спала, не снимая своей куртки: в ее карманах смешались маленькая кукла, канцелярская кнопка, бумажная звезда и пистолет. Ее волки прятались под рукавом. Она по памяти очертила их по коже, молча называя их имена.

Бабушка, мама, Мириам, Аарон-Клаус, Влад.

Спокойной ночи. Спокойной ночи. Спокойной ночи. Спокойной ночи. Спокойной ночи.

Тогда. Второй волк: мама. Зима 1945

Время между сеансами сошло на нет, сошло как шелуха с кожи Яэль. Больше не было дней отдыха. Каждое утро доктор Гайер втыкал иглы в руку Яэль. Вводя больше яда, чем могло вынести ее тело.

Она вся была незаживающей раной. Цвета новорожденного младенца, с облезлыми руками, блестевшими под электрическим светом кабинета доктора Гайера. Глаза доктора тоже сияли. Невидимые крючки поднимали уголки его губ и делали улыбку шире каждый раз, когда он осматривал ее. Он даже шутил с медсестрой, которая никогда не улыбалась в ответ, хотя у нее были туфли на подошве и валики жира под бледной кожей.

«Состав работает!»

Прогресс. Прогресс. Прогресс.

Укол и последующее введение игл причиняли не так много боли, как то, что наступало после: огонь пылающего угля, который распространялся из руки Яэль в каждую ее часть. И не было никакого облегчения – даже когда вечерний холод заползал в Барак № 7. Ее кожа, иссушенная на ощупь, чесалась, опадала хлопьями, похожими на снег.

С болью она могла справиться. Но не со взглядами, которые продырявливали Яэль душу. Один и тот же вид, который заставлял зубы доктора Гайера раздвигаться в то, что он звал улыбкой, у остальных вызывал слепой ужас. Женщины шептались о странном блеске ее глаз, белых как у призрака коже и волосах. Девочка, которая исчезала прямо у них на глазах… сменяясь… кем-то другим…

«Монстр». «Монстр». «Монстр»[8 - В оригинале автор использует написание слова «монстр» на трех языках: русском, французском, английском.]. Они думали, Яэль не могла слышать их шепот, но это было не так. Мать Яэль быстро заставила их замолчать, прошипев: «Она – моя дочь! Не какое-то существо!» во все уголки Барака № 7. Глазами, готовыми к битве, бросая вызов всем, кто осмелиться сказать иначе.

Но даже мать Яэль смотрела на нее с настороженностью, которой прежде не было. Ее губы напряженно дергались каждый раз, когда она возвращалась на койку и находила свою дочь свернувшейся в соломе и приступе боли. Ее лоб был гладким от пота.

– Все еще лихорадит, – бормотала она, прижав хрупкие пальцы к коже Яэль, а затем поворачивалась к их соседке по койке. – Мириам, достань мне немного

снега.

Он всегда быстро таял – снег, который приносила Мириам, каплями стекал вниз по ее коже ста различными способами. Оплетал ее ниже горла, ее рабочую одежду.

– Ты не замерзла, Яэль? – Старшая девочка дрожала, засунув свои пальцы в подмышки, чтобы согреться.

– Она отличается от нас, – ответила мать Яэль. Хотя волосы у Яэль были короткие, слишком короткие, чтобы погладить, ее мать все равно провела по ним рукой. – Она больна.

Но ей было холодно. Ее бил озноб, когда она сгорала изнутри. Яэль была огнем и льдом. Одновременно. Невероятная вещь.

– Н-нет, – Яэль выкашляла из себя слово. – Не отличаюсь. Я такая же.

Ее мать не ответила. Она продолжала гладить колючую голову своей дочери пальцами настолько тонкими, что Яэль чувствовала твердость кости, когда они ее касались.

– Ты выглядишь иначе. – Мириам склонила голову.

«Такой же», – хотелось снова крикнуть Яэль. Такая же в душе. Если это имеет значение. Все та же девушка, которая гордо декламировала «Ма Ништана»[9 - Mah Nishtanah (ивр.) – в букв. переводе «Чем мы отличаемся?»; одна из главных песен еврейской Пасхи (Песах).] в пасхальный вечер. Та же девушка, которая играла в мяч с другими детьми на улицах гетто. Которая не отпустила пальто своей матери, невзирая ни на что, когда их запихивали в вагоны. Которая плакала, когда цифры вшивали иглами в ее кожу, и плакала еще больше, когда поняла, что они никогда не исчезнут.

Она хотела рассказать им все это, но яд доктора Гайера был слишком силен. Яэль лежала, но ее голова вращалась, изображения мелькали как фрагменты разбитого зеркала. Мысли прерывались и были везде, отполированные лихорадочным жаром. Молитвы блуждали над ней – «Эл-на, рефа-на-ла» (Боже,

пожалуйста, исцели ее, пожалуйста) – голос матери, губы матери, надежда матери. Кусок бабушкиной куклы под ее клочком матраса, изогнувшимся под ее позвоночник: одна крепкая вещь. Единственная крепкая вещь.

Все остальное разваливается. Меняется вместе с ее кожей.

«А может быть, я не такая же», – пришла внезапная мысль. Она больше не плакала при виде игл (с самого первого сеанса инъекций, когда доктор Гайер ударил ее по запястью и потребовал, чтобы она прекратила распускать сопли). Он это изменил.

Ты изменишься.

«Бабушка?» – Яэль боролась с соломой, высоко приподнялась на локте, пока не поняла, что голос был воспоминанием. Двухъярусная койка напротив нее была заполнена множеством колеблющихся лиц, но ни одно из них не было бабушкиным.

Нет. Это было не так. Это было «изменишь все».

Ты изменишь

всё.

Она рухнула обратно в колючую солому.

Вой разбудил ее. Это был все тот же хор, который она слышала каждую ночь. Стоны печали, скорби и потерь из каждого барака. Закручивающиеся вместе в дикую песню. В первые недели в лагере она представляла, что это были настоящие волки – сразу за колючей проволокой и испепеляющим электрическим забором – дикие и свободные.

Но сегодня вой был другим. Песня, которая дергалась на краю сна Яэль, чувствовалась ближе. Была ближе.

Доски кровати дрогнули, когда Яэль села. Мир вокруг ощущался как тампон, которым медсестра иногда вытирала ее руку – чистым и холодным. Никакого подкрадывающегося озноба. Никакого огня под кожей.

Лихорадка прошла.

Ее мать лежала к ней спиной. Согнувшись, так что Яэль могли проследить лестницу из ребер через ее рабочую одежду. Они содрогались в одном ритме со слезами, стонами, жалобными всхлипами.

– Мама? – Яэль потянулась к спине матери. – Мне уже лучше.

Ее мать замерла от прикосновения, все издаваемые ею звуки переросли в сдавленный стон, вплетаясь обратно в тишину.

На мгновение Яэль почудилось, что она все еще спит. Но ее пальцы были на спине матери. Это было настоящим. Она чувствовала дрожь дыхания матери. Чрезмерную тонкость ее истощенных мышц. Жар, жар, жар ее кожи.

– Мама? – позвала она снова, дыхание часто прерывалось в горле.

Женщина повернулась, глядя на нее. Глаза были… странными. Того же цвета, как и у ее матери (темные как тени в вечернем лесу). Той же формы, но казалось, что они принадлежали кому-то другому. Яэль вглядывалась в них, но не могла найти женщину, которая ее родила. Вырастила. Прижимала к себе, когда их товарный вагон с грохотом мчался по километрам и километрам пути.

– Что ты? – Ее мать отодвинулась, голос был царапающим.

Пустота под пальцами Яэль была холодной: «Я – я Яэль. Твоя дочь».

– Нет! – Глаза ее матери бегали из стороны в сторону. – Нет… Ты не мой ребенок. Не она.

Укол, укол, укол. Эти слова были сотнями игл, впившихся в нее одновременно.

– Мама… – попыталась она снова.

– Не смей! – Её визг разнесся по казарме, пробуждая почти-мертвых ото сна. Мириам резко подскочила и проснулась, посмотрела на своих соседей по койке затуманенными глазами. – Не называй меня так! Я не знаю, кто – что – ты есть, но ты не моя Яэль!

Шепот засуетился в соломе вокруг них. Яэль чувствовала, как на нее смотрят. Десятки, сотни проснулись.

– Рахель! – Мириам схватила мать Яэль за плечи и называла ее имя снова и снова. Как заклинание. – Рахель. Рахель. Успокойся.

Мать Яэль вся тряслась: голова, плечи. Она уклонялась от касания Мириам, пока не уперлась спиной в стену барака: «Это не она! Это не Яэль!»

Яэль тоже трясло. Накачанная доверху ядом криков матери. Они растекались раскаленной лавой внутри ее. Не лихорадка, но гнев. Беспомощность того рода, которой человек наполняет себя сам, чтобы уберечься от страха: «Прекрати, мама! Прекрати! Это Я! Я Яэль!»

Она кричала до тех пор, пока не увидела, что на нее смотрит Мириам. Глаза старшей девочки были такими же широкими и очерченными, как у спрятанных кукол-матрешек Яэль.

– Я-Яэль? – Мириам тщательно выговорила имя. Ее руки были все еще на плечах Рахели, но все ее внимание было приковано к девушке через койку. – Ты… изменилась.

Яэль проследила за взглядом Мириам, вниз на свои собственные руки. Горящие ссадины исчезли, сошедшие вместе со всеми слоями мертвой кожи. Не было пятен или рубцов. Ее кожа была мягкой, белой, как молоко. Ее пальцы протанцевали наверх, вытащили единственную прядь волос. Она была неожиданно светлой.

Какой ее всегда хотел видеть доктор Гайер.

– Это не моя дочь! Это чудовище! – продолжала истошно вопить мать, вырываясь из хватки Мириам. – Яэль мертва! Мертва! Как и все остальное здесь!

Яэль – уверенная, что это сон – перевернула руку кривыми числами вверх. Она по-прежнему была отмечена. Все еще «Заключенный 121358.X».

– Смотри. – Яэль пытался показать матери цифры – доказательство, что она была той, кто она есть – но глаза ее матери продолжали вращаться. Потерянные и остекленевшие.

– Она бредит. Не знает, что говорит. – Голос Мириам прерывался от напряжения из-за попытки успокоить мать Яэль. – Ее кожа пылает.

Лихорадка. Яэль могла увидеть ее – теперь, когда присмотрелась – мерцающую на лице матери, опустошающую ее глаза. Яэль подумала о своей болезни и прохладе маминой руки, прижатой к ее лбу. Она заразила ее? Отравила свою мать собственной плотью? Своими собственными изменениями?

– Я Яэль. Я жива. – Она сказала это своей матери и Мириам. Трем безмолвным соседкам по койке, которые соскользнули с соломенного матраса в проход. Для всех сотен женщин, которые наблюдали за их койкой.

Но самое главное, Яэль сказала это себе. Потому что шепотки на дюжине языков вернулись, чтобы преследовать ее. Монстр. Монстр. Монстр. Голос ее матери был громче всех: «Это чудовище!»

– Я Яэль. Я Яэль. Я Яэль, – вспоминала она. – Я особенная. Я изменю все.

Но прямо сейчас, она себя так не ощущала.

Ее мать больше не кричала. На койке напротив Мириам успокоила ее и уложила на солому. Мать Яэль свернулась калачиком. Она всегда выглядела такой маленькой? Такой тонкой? Лихорадка казалась гораздо больше ее – вспыхивающая по краям ее кожи. Как дух, пытающийся вырваться из тела.

Одна из молчаливых соседок по койке вернулась, принесла немного снега и передала его Мириам. Старшая девочка прижал его ко лбу Рахели, как сама мать Яэль делала для нее лишь несколько часов назад. Но это не помогло. Ее мать только скулила от холода. Эти странные и знакомые глаза прекратили вращаться и стали безжизненными.

Мертвыми. Как и все остальное здесь.

Женщины барака № 7 лишь на мгновение прекратили шептаться, и все, что могла услышать Яэль, – агонию всего. Песнь лагеря смерти прибывала из каждого уголка ночи. Не волки. Просто люди. Оплакивающие, оплакивающие, оплакивающие.

Она завыла вместе с ними.

Глава 9

Сейчас. 11 марта, 1956. Прага – Рим

Стая держалась плотно, соединившаяся в хрупкую конструкцию колес и шестеренок. Гонщики двигались, как стадо через предгорья с пятнами робкой весенней травы и торчащими обломками скал, через города с выстроившимися в ряд аплодирующими, размахивающими свастикой гражданами и камерами «Рейхссендера», установленными для идеального снимка.

Как занявшие первое и второе место, Кацуо и Лука выводили строй из пражского контрольно-пропускного пункта. Оба гонщика были далеко впереди, маленькие, как частицы грязи, испещрившие очки Яэль. Она страстно хотела быть с ними, выкручивать газ на полную и позволить дороге исчезать под ней. Метры проглатывались, как только четвертая передача набирала обороты.

Но этого не могло произойти по трем причинам. Такео, Хираку и Ивао. Они рассредоточились по дороге – третье, четвертое и пятое место. Именно те гонщики, которых Кацуо собрал у своего стола, отметила Яэль. Вероятно, для планирования именно этой тактики. Это было запланировано. Не было никаких сомнений. С момента, как они вырвались из Праги, трио сформировало свою блокаду, равномерно распределившись на асфальте в неизменной линии.

Дорога была заблокирована.

Юноши взяли ленивый темп. Мотоцикл Яэль бушевал за ними. Пойманная в ловушку третьей передачи (слишком медленно, слишком медленно), ее рука истосковалась по газу. Она пробила себе путь на шестое место через душившую стаю, вытеснив Ямато, Дольфа и Карла. Они по-прежнему были близко, отставая от нее всего на метр, когда она рванула за задним колесом Хираку.

Юноша был самым младшим из трех союзников Кацуо. Самым слабым звеном в этом механическом неводе. Рано или поздно Хираку ошибется, и когда он это сделает, Яэль будет готова.

Наблюдая, ожидая, наблюдая, ожидая. Километры прокручивались под брызговиком Хираку. Холмы поднимались, и воздух насытился вкусом гор: свежие пихты, серебристые искры снега. Тело Яэль начало болеть, сведенное судорогой от готовности и ожидания, ожидания, ожидания…

Но километры все растягивались и растягивались. И где-то впереди, Лука и Кацуо продолжали вырываться вперед, вперед. (Она больше не могла их видеть; оба юноши потерялись в изгибах горных дорог).

Еще один байк начал петлять, в опасной близости от лавандового дыма выхлопных газов Такео. Его колеса пожирали боковое дорожное пространство. Яэль потребуется несколько сантиметров, если она собирается сделать проход, прорвавшись через человеческий барьер в виде Кацуо.

«Прости меня, Ада!» – Свидетельством того, как медленно они ехали, было то, что она могла слышать брата Адель. Он кричал во все горло, когда наполовину сидел, наполовину стоял на своем байке.

Яэль не знала, как Феликсу удалось потеснить столько мест в герметичном строю. Удар, который он нанес Луке, срезал ему целый час, сделав его последним гонщиком, покидающим Прагу. Хотя все гонщики выезжали в одно время, их расположение определялось их местом на табло. Брат Адель был достаточно далеко в списке участников, так что Яэль с легкостью могла его проигнорировать. Но он был рядом с ней сейчас. Расслаивая ее концентрацию своими грозовыми глазами.

– Лука был прав! Я подмешал наркотики в твой суп! – прокричал он.

Никакого «Проклятье». Яэль наполовину поддалась искушению крикнуть ему это в ответ, но времени не было. Хираку, глядя через плечо, отвлекся на громкие признания Феликса. Это было то проявление нерешительности, которого так ждала Яэль.

Нажатие на газ вырвало ее вперед, ее байк рванулся к Хираку. Его рот округлился от неожиданности, ужаса. Колесо Яэль его даже не коснулось: хватило одной агрессии.

Байк Хираку резко съехал с дороги. Его крик был так же высок, как колесо, отброшенное в момент болезненного крушения метала. Один длинный шрам вспахал мятную, молодую траву: переплетенные байк и изуродованный юноша.

Его партнеры рассредоточились шире, пытаясь залатать брешь в своем ограждении. Но было слишком поздно. Яэль прошла через разрыв, включив самую высокую передачу. Дорога размоталась перед ней: широкая смоляная лента, струящаяся в пасть Альп. Придорожные листва размазалась в длинные неясные очертания. Крики неожиданного конца Хираку преследовали ее: тише, тише, тише.

У нее впереди еще километры.

Гравий и ямы. Склоны и изгибы. Тень и холод.

Это были горные дороги.

Яэль летела на крыльях кожи и ветра, мотоцикл напевал под ней. За каждым поворотом, каждым объездом большого валуна на скорости, она ожидала увидеть Луку и Кацуо. Но у юношей были собственные крылья… скорость, которая несла их через горный перевал. Даже превышение пределов ее двигателя на участках укутанной зимой дороги не сократили расстояние между ними.

Вечер собирался рано в узких ущельях Альп. Тени прильнули к краям очков Яэль, расползались по ее больным конечностям. Даже когда горы были далеко позади (ничего, кроме горных хребтов и памяти на фоне далекого горизонта), темнота

нарастала. Ее усталость вселилась в нее на долгую ночь. Но Яэль продолжала рваться вперед.

Один за другим гонщики оставались позади, их фары съезжали во тьму. Тянулись к границам виноградников с голыми лозами, чтобы поесть и отдохнуть. Это было умное, осторожное движение. Предотвращающее недосыпания и полную усталость. Это было то, что следовало сделать Яэль – сделала бы – будь она нормальной гонщицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Lebensraum (нем.) – в буквальном переводе – «жизненное пространство». – Здесь и далее – прим. пер., если не указано иное.

2

Недолюдьми (нем.)

3

Kradsch?tzen-Kompanie «GD» – рота (впоследствии – дивизия), входившая сначала в полк «Великая Германия» (1940 г.), а затем и в одноименную дивизию (1942, 1944 гг.).

4

Reichssender (нем.) – букв. Имперское радио.

5

Лебенсборн (нем. Lebensborn) – созданная в 1935 г. по личному указанию Генриха Гиммлера организация для подготовки молодых, расово-чистых матерей и воспитания арийских младенцев.

6

Цюндапп (нем. Z?ndapp) – немецкая компания (1917–1984), специализировавшаяся на выпуске мотоциклов после окончания Первой мировой войны. (Прим. ред.)

7

Модель складного японского ножа.

8

В оригинале автор использует написание слова «монстр» на трех языках: русском, французском, английском.

9

Mah Nishtanah (ивр.) – в букв. переводе «Чем мы отличаемся?»; одна из главных песен еврейской Пасхи (Песах).

Купить: https://tellnovel.com/ru/grodin_rayan/volk-za-volka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить